

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УФИМСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

**ПРАВО:
РЕТРОСПЕКТИВА
И ПЕРСПЕКТИВА**

№ 4 (4)

**LAW:
RETROSPECTIVE
AND PERSPECTIVE**

Научный журнал

Издается с 2020 года 4 раза в год
Учредитель и издатель – ФГКОУ ВО УЮИ МВД России**Главный редактор:**

Ханахмедов Алексей Сефединович – кандидат юридических наук, доцент, начальник Уфимского юридического института МВД России.

Заместитель главного редактора:

Терехов Алексей Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Уфимского юридического института МВД России (по научной работе).

Члены редакционной коллегии:

Асеев Игорь Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

Асмандиярова Наиля Римовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Варданян Акоп Варазатович – доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России.

Вицке Регина Эдуардовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России.

Григорьев Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры противодействия незаконному обороту наркотиков Международного межведомственного центра подготовки сотрудников оперативных подразделений имени генерал-лейтенанта милиции А.Н. Сергеева ВПИК МВД России.

Даянов Ирек Сайфуранович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Диваева Ирина Рафаэловна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Ильяшенко Алексей Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани, профессор кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета.

Имаева Юлия Борисовна – кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России.

Исаев Андрей Анатольевич – кандидат философских наук, доцент, начальник кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Исхаков Эдуард Робертович – доктор медицинских наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России.

Казамиров Анатолий Иванович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России.

Каримов Рим Римович – кандидат юридических наук, начальник кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

Киселев Николай Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Кудина Светлана Анатольевна – кандидат юридических наук, помощник начальника института (по правовой работе) – начальник отделения (правовое отделение) Уфимского юридического института МВД России.

Латыпов Вадим Сагитьянович – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Лысенко Евгений Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры управления в органах внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Маликов Борис Зуфарович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Мамлеева Дилара Радиковна – кандидат юридических наук, доцент кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Надтачаев Павел Валерьевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Небратенко Геннадий Геннадиевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права Ростовского юридического института МВД России.

Нугаева Эльвира Дамировна – кандидат юридических наук, начальник кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России.

Нугуманов Азат Римович – кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Нуркаева Татьяна Николаевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Поезжалов Владимир Борисович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Рахимов Эльдар Харисович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Самигуллин Венир Калимуллович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России.

Сулейманова Инна Евгеньевна – кандидат юридических наук, начальник научно-исследовательского отдела Уфимского юридического института МВД России.

Хакимов Салават Хазибович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

Хусаинов Рамиль Равилович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Яхина Юлия Харисовна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России.

Журнал зарегистрирован в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:

ПИ № ФС 77 – 77364 от 31 декабря 2019 года.

Журнал входит в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) научной электронной библиотеки «eLIBRARY».

Адрес редакции, издателя, типографии: 450103, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2.

Литературный редактор, техническая верстка Т. И. Матвеева.

Телефон/факс: (347) 255-06-66;

e-mail: vestnik_uyi@mvd.ru (с пометкой: «Право: ретроспектива и перспектива»).

Редакционно-издательский отдел Уфимского ЮИ МВД России. Подписано в печать: 22.12.2020.

Формат 60x84 1/8. Усл. печ. л. 11,3. Гарнитура Times. Тираж 60 экз. Заказ № 86. Цена свободная.

Scientific journal

Published since 2020 4 times a year

Founder and publisher – Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Editor-in-chief:

Khanakhmedov Alexey Sefedinovich – Candidate of Law, Associate Professor, the Chief of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Deputy editor-in-chief:

Terekhov Alexey Yurievich – Candidate of Law, Associate Professor, the Deputy Chief (in research work) of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Members of the editorial board:

Aseev Igor Anatolevich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, assistant professor of the Chair of History and Theory of State and Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Asmandiyarova Naila Rimovna – Candidate of Law, Associate Professor, assistant professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Vardanyan Akop Varazdatovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminalistics and Operative-Detective Activity of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Vitske Regina Eduardovna – Candidate of Law, Associate Professor, assistant professor of the Chair of Constitutional Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Grigoriev Viktor Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, professor of the Chair of Counteraction against Illegal Drug Trafficking of the International Interdepartmental Training Center for Operational Units named after lieutenant-general of militia A. N. Sergeev.

Dayanov Irek Saifuranovich – Candidate of Law, Associate Professor, assistant professor of the Chair of Operative-Detective Activity of the Internal Affairs Bodies of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Divaeva Irina Rafaelovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Ilyashenko Alexey Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Kuban, professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of Kuban State University.

Imaeva Yulia Borisovna – Candidate of Law, Deputy Head of the Chair of Criminalistics of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Isaev Andrey Anatolyevich – Candidate of Philosophy, Associate Professor, Head of the Chair of Social, Humanitarian and Economic Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Iskhakov Eduard Robertovich – Doctor of Medical Sciences, Professor, professor of the Chair of Criminalistics of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kazamirov Anatoly Ivanovich – Candidate of Law, Associate Professor, assistant professor of the Chair of Constitutional Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Karimov Rim Rimovich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Chair History and Theory of State and Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kiselev Nikolay Nikolaevich – Candidate of Law, Associate Professor, assistant professor of the Chair of Operative-Detective Activity of the Internal Affairs Bodies of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kudina Svetlana Anatolyevna – Candidate of Law, Assistant Head of the Institute (for legal work) – Head of the Department (the legal department) of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Latypov Vadim Sagitianovich – Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Chair of Criminal Procedure of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Lysenko Yevgeniy Sergeevich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Management in the Internal Affairs Bodies of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Malikov Boris Zufarovich – Doctor of Law, Professor, professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Mamleeva Dilara Radikovna – Candidate of Law, assistant professor of the Chair of Civil-Legal Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nadtachaev Pavel Valerievich – Candidate of Law, Associate Professor, assistant professor of the Chair of Civil-Legal Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nebratenko Gennadiy Gennadievich – Doctor of Law, Associate Professor, professor of the Chair of Theory of State and Law of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nugaeva Elvira Damirovna – Candidate of Law, Head of the Chair of Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nugumanov Azat Rimovich – Candidate of Law, Deputy Head of the Chair of Social, Humanitarian and Economic Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nurkaeva Tatyana Nikolaevna – Doctor of Law, Professor, professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Poezshalov Vladimir Borisovich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Administrative-Legal Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Rakhimov Eldar Kharisovich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Civil-Legal Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Samigullin Venir Kalimullovich – Doctor of Law, Professor, professor of the Chair of Constitutional Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Suleimanova Inna Evgenievna – Candidate of Law, Head of the Research Department of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Khakimov Salavat Khazibovich – Candidate of Historical Sciences, Associate professor, assistant professor of the Chair of History and Theory of State and Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Khusainov Ramil Ravilovich – Candidate of Law, Associate Professor, assistant professor of the Chair of Operative-Detective Activity of the Internal Affairs Bodies of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Yakhina Julia Harisovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Constitutional Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

The journal is registered in the Office of the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technologies and Mass Communications.

Mass Media Registration Certificate: PI № FS 77 – 77364 is dated December 31, 2019.

Included into «Russian Science Citation Index» data base of «eLIBRARY».

The address of the editorial office, the editor and the printing house: 450103, the Republic of Bashkortostan, Ufa, 2, Muksinova street.

The copy editors, layout T. I. Matveeva.

Tel./fax (347) 255-06-66; e-mail: vestnik_uyi@mvd.ru (marked: “Law: retrospective and perspective”).

Editorial and publishing department of Ufa Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.

Signed for publishing: 22.12.2020. Format 60x84 1/8. Conv. print sheets 11,3. Typeface Times.

Circulation: 60 copies. Order № 86. Free price.

СОДЕРЖАНИЕ

Научные статьи и доклады	8
Теория права	
<i>Бредихин А. Л.</i> Правовая политика как категория современного правоведения	8
<i>Олейник Р. Р., Чернова Э. Р.</i> Эволюция органов судейского сообщества в России: историко-правовой аспект	13
<i>Чернова Э. Р.</i> Теоретико-правовые основы защиты персональных данных в Российской Федерации	21
Международное право	
<i>Исхаков Э. Р.</i> Нормативное регулирование принципов прозрачности и объективности в публикационной политике научных журналов	27
Публично-правовой блок	
<i>Исмагилова А. Р.</i> Центр временного содержания несовершеннолетних как особый субъект профилактики правонарушений, совершаемых несовершеннолетними	32
<i>Усманов Н. М.</i> Роль правосознания в оценке деятельности полиции	38
Частно-правовой блок	
<i>Галимов Р. Р., Улимаев Р. Ю.</i> Актуальные вопросы расторжения договора о реализации туристского продукта	43
Уголовно-правовой блок	
<i>Афзалетдинова Г. Х.</i> К вопросу о проведении следственного эксперимента при расследовании дорожно-транспортных преступлений	51
<i>Газизова О. В., Захарова О. А.</i> Проблемы правовой регламентации расследования коррупционных преступлений	56
<i>Егорова Т. И.</i> Особенности расследования преступлений в сфере экономической деятельности	61
<i>Минигалеев И. Х., Амиров У. А., Нухов Р. Р.</i> Криминологическая характеристика преступлений, совершенных спортсменами	64
<i>Насыров Р. Р.</i> Познавательное назначение оперативно-розыскной информации	68
<i>Файрушина Р. Д., Маликова Н. В.</i> Некоторые аспекты сбора и проверки доказательств при производстве дознания в сокращенной форме	73
<i>Шагиева Г. Р.</i> Классификация речеведческих экспертиз в процессуальном аспекте	78
Трибуна молодого ученого	
<i>Муртазин А. И.</i> Особенности использования норм права о применении огнестрельного оружия сотрудниками подразделений по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите	83
Памятка	89

CONTENTS

Scientific articles and reports	8
Theory of Law	
<i>Bredikhin A. L.</i> Legal policy as a category of modern jurisprudence	8
<i>Oleynik R. R., Chernova E. R.</i> Evolution of the judicial community bodies in Russia: historical and legal aspect	13
<i>Chernova E. R.</i> Theoretical and legal basis for the personal data protection in the Russian Federation	21
International law	
<i>Iskhakov E. R.</i> Statutory regulation of the principles of transparency and research integrity in publication policy of the scientific journals	27
Public-legal section	
<i>Ismagilova A. R.</i> Temporary Detention Center for Minors as a Special Subject of Prevention of Offenses Committed by Minors	32
<i>Usmanov N. M.</i> The role of the legal awareness in evaluating police performance	38
Private-legal section	
<i>Galimov R. R., Ulimaev R. Yu.</i> Current Issues of Termination of the Contract on the Implementation of a Tourist Product	43
Criminal-legal section	
<i>Afzaletdinova G. Kh.</i> On the question of conducting an investigative experiment in the investigation of road transport crimes	51
<i>Gazizova O. V., Zakharova O. A.</i> Problems of legal regulation of the corruption crimes investigation	56
<i>Egorova T. II.</i> Specific Features of Crime Investigation in the Sphere of Economic Activity	61
<i>Minigaleev I. H., Amirov U. A., Nukhov R. R.</i> Criminological characteristics of crimes committed by athletes	64
<i>Nasyrov R. R.</i> Cognitive purpose of operational and investigative information	68
<i>Fayrushina R. D., Malikova N. V.</i> Some aspects of collecting and verifying evidence during an inquiry in abbreviated form	73
<i>Shagieva G. R.</i> Classification of of speech examinations in the procedural aspect	78
Young scientist's tribune	
<i>Murtazin A. I.</i> Features of the application of the law on the use of firearms by employees of divisions for providing persons safety subject to state protection	83
Instruction	89

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

ТЕОРИЯ ПРАВА

УДК 340(470)

А. Л. БРЕДИХИН, старший преподаватель кафедры математики и информатики Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук (г. Санкт-Петербург)

A. L. BREDIKHIN, Senior Instructor of Mathematics and Informatics Department of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Juridical Science (St. Petersburg)

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА КАК КАТЕГОРИЯ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ

LEGAL POLICY AS A CATEGORY OF MODERN JURISPRUDENCE

Аннотация. В настоящей статье автор рассматривает проблему правовой политики, ее теоретические, практические аспекты, проводит ретроспективный анализ этого термина. Автор отмечает, что современное значение правовой политики требует дальнейшей проработки, так как не соответствует политической системе современного демократического государства, системе разделения властей.

Ключевые слова и словосочетания: право, политика, правовая политика, государственная власть, реформа.

Annotation. The author examines the problem of legal policy in this article, its theoretical, practical aspects, and conducts a retrospective analysis of this term. The author notes that the modern meaning of legal policy requires further elaboration, as it does not correspond to the political system of a modern democratic state and the system of separation of powers.

Keywords and phrases: law, politics, legal policy, state power, reform.

В правовой науке не вызывает полемики и является общественным фактом то, что право и государство – явления, тесно связанные. Существует множество мнений и научных публикаций относительно соотношения этих понятий, приоритета одного над другим и прочих аспектов их сосуществования. Вместе с тем эти понятия разноплановые и сравнивать их можно только по заранее определенным критериям, обусловленным соприкосновением свойств, правовых или государственных категорий. Значи-

тельный интерес представляет собой соединение политики и права в концепции «правовой политики», широко разрабатываемой в современном правоведении.

Определений политики неисчислимо много, но ясно, что они связаны непосредственно с властной деятельностью государства. В практическом плане политика обозначает логичную и планомерную деятельность государства по управлению общественными процессами. Политика реализуется в различных областях жизни общества, поэтому

часто дифференцирование политики по видам происходит именно в зависимости от сферы ее осуществления. Таким образом, можно назвать несколько разновидностей политики: налоговая, финансовая, социальная, экономическая, культурная и т. п.

Под политикой всегда подразумевается логически обоснованная и системная работа, а не единичные или не связанные друг с другом управленческие действия и решения, поэтому политика реализуется субъектами, которые наделены соответствующими полномочиями и имеют реальную возможность генерировать и воплощать в жизнь те или иные идеи.

Право также может рассматриваться в качестве институциональной структуры государства и подвергаться государственному регулированию, а соответственно и влиянию государственной политики. Следовательно, в науке имеются некоторые основания предположить существование правовой политики.

В качестве объекта исследования правовая политика как теоретическая категория начала рассматриваться в период становления современной России в начале 1990-х годов. Одним из родоначальников современной концепции правовой политики является известный ученый А. В. Малько, которым опубликовано множество работ, посвященных этой проблематике. По его мнению, правовая политика представляет собой систему научно обоснованной последовательной деятельности органов государства и институтов гражданского общества по оптимизации правового регулирования и правовой системы в целом [1, с. 142]. Также он видит следующее призвание правовой политики: 1) организовать право как ядро правовой системы, ее главный элемент, посредством устранения пробелов и противоречий правового регулирования; 2) организовать внутренние связи между элементами правовой системы (правом, юридической прак-

тикой и господствующей правовой идеологией); 3) создать условия для эффективного взаимодействия правовой системы с другими общественными системами – с экономической, политической и т. п.; 4) организовать взаимодействие правовых систем разных уровней – национальной, наднациональной и международной [1, с. 142–143].

В том же ключе правовую политику рассматривает Д. А. Авдеев, определяя ее как «системообразующую концептуальную деятельность органов публичной власти, в основе которой лежит научно-обоснованная векторная направленность развития социально значимых сфер общества» [1, с. 143].

А. В. Малько и В. А. Затонский в качестве признаков правовой политики рассматривают ее деятельность в правовой жизни, направленность на повышение качества правовой жизни и выражение отношения субъектов правовой политики к важнейшим проблемам развития правовой жизни общества [2, с. 125].

Наряду с понятием «правовая политика» некоторыми авторами выделяется «государственная правовая политика», понимаемая как «высококультурно организованный вид деятельности публичной власти (включая участие гражданского общества) в российском государстве, осуществляемой на основе и посредством права, связанной с определением тактики и стратегии государственно-правового развития, разработанной принятием и реализацией целенаправленных, системных, научно обоснованных государственно-правовых решений высокой эффективности действия» [3, с. 80]. Представляется, что правовая политика может быть только государственной, что предполагается и не требует дополнительного акцентирования на этом.

Довольно подробное определение правовой политики дает О. Ю. Рыбаков, который определяет правовую политику как «деятельность, прежде всего, государственных и муниципальных органов,

а также общественных объединений, граждан, включающая систему идей, целей, мер и способов, обеспечивающих функционирование и воспроизводство правовых механизмов, перспектив развития законодательства, создание, поддержание и развитие условий для осуществления интересов, прав и свобод личности во взаимодействии с ее обязанностями» [4, с. 23]. Вместе с тем из этого определения непонятна специфика правовой политики, а фактически дается определение демократического строя.

В разрезе политологии А. И. Сацуа содержанием правовой политики видит «деятельность государства по развитию и совершенствованию правовых отношений в целях юридической легитимации политического курса и задач развития страны, ее места и роли в системе международных отношений, интересов и целей социальных политических элит и властных институтов» [5, с. 67]. Для этого определения характерна чрезмерная политизация вопроса, нет четкого понимания, как конкретно затрагиваются сугубо правовые институты.

Впрочем, нужно отметить, что сам термин правовая политика был изобретен еще в советской юриспруденции. Так, Е. В. Куманин в книге «Правовая система социализма» отмечал: «совокупность специальных политических воздействий, преследующих цели формирования и реализации права в ходе решения задач социально-экономического и культурного развития, и образует сферу юридической (правовой политики) [6, с. 140–141]. Далее отмечается, что правовая политика реализуется в виде: разработки и применения правовых форм деятельности государства, развития правосознания трудящихся, планирования законодательной работы, определения задач и методов функционирования юридических учреждений, разработки оптимальных систем организации правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности. Пра-

вовая политика конкретизирует общие цели социального развития для обеспечения более совершенного построения и функционирования правовой системы. Е. В. Куманин предполагает, что в рамках правовой политики происходит выбор правовых и неправовых (организационных, общественных, идейно-воспитательных) форм социального регулирования и управления, т. е. решается вопрос о целесообразности придания общественным отношениям правового характера, определяются методы и уровни правового регулирования [6, с. 141].

Особенности понимания правовой политики в советской юриспруденции обусловлены спецификой советской политико-правовой системы и не применимы к нынешней демократической реальности. Правовой политике в советском правоведении придается в большей степени практический смысл, в сравнении с ее современной концепцией.

Таким образом, понятие правовой политики многогранно, и единого понимания в науке до сих пор не сложилось. Кроме того, не совсем понятна предметная область общественных отношений, возникающих в связи с реализацией правовой политики. Ввиду этого возникает резонный вопрос об обоснованности выделения и разработки данной категории. Тем более, что родоначальник теории «правовой политики» А. В. Малько отмечал, что «в современной России пока нет правовой политики [5, с. 9]».

В качестве обоснования состоятельности правовой политики государства как отдельного аспекта его деятельности иногда приводится в пример Указ Президента Республики Казахстан от 24 августа 2009 г. № 858 «О Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года» (далее – Концепция) [7]. В нем поставлены основные задачи и определены направления развития правовой системы, отраслей права и административной деятельности. Здесь указано, что Концепция является осно-

вой для разработки соответствующих программ в области правовой политики государства, перспективных и ежегодных планов законопроектных работ Правительства Республики Казахстан, проектов нормативных правовых актов Республики; предписано центральным и местным государственным органам Республики Казахстан при разработке и реализации своих стратегических планов руководствоваться положениями Концепции, то есть эта концепция правовой политики предполагает некоторые планы по реформированию внутреннего законодательства и правоприменительной деятельности. Вместе с тем, исходя из правового статуса Президента Республики Казахстан и основываясь на тексте названного Указа, речь идет, прежде всего, о работе органов исполнительной власти, а не государства в целом. Задачи для законодательного органа здесь не ставятся (и не могут), поэтому в законодательной сфере они ставятся по подготовке проектов нормативных актов, которые нужно внести на рассмотрение Парламента. Учитывая, что многие и основополагающие правовые вопросы находятся в ведении Парламента, он не может не быть субъектом правовой политики в рамках названного Указа и ему не подчиняется. Следовательно, содержание Указа значительно уже по содержанию, чем приведенные выше определения правовой политики.

В Российской Федерации нет нормативного акта с таким же названием, но концептуальные основы регулирования законодательства также утверждались. Так, на основании Указа Президента РФ от 18 июля 2008 г. № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» [8] Советом при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г. одобрена Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации [9]. Как ясно из назва-

ния, здесь утверждены основы реформирования гражданского законодательства, поэтому нельзя назвать принятие и реализацию Концепции правовой политикой.

Если представлять правовую политику как деятельность государства и его органов разного уровня в создании законодательства, то это скорее законодательный (правотворческий) процесс, а не политика. Субъекты законодательной инициативы могут, опираясь на ту или иную политику, выступать с такой инициативой, но реализация в законодательстве конкретных идей может быть осуществлена только в случае принятия соответствующего решения законодательным (представительным) органом. Проявляется некоторое обесценивание народовластия при отнесении процесса издания правовых актов к аспектам проявления правовой политики государства. Именно народ согласно Конституции Российской Федерации [10] выступает главным субъектом власти и политики, а не государство как система его органов.

Нужно также отметить, что непосредственно в развитии права и правовой системы участвуют и высшие судебные органы: Конституционный Суд Российской Федерации, который разрешает вопрос соответствия Конституции Российской Федерации тем или иным положениям законодательства (в том числе положениям, принятым в рамках правовой политики органов исполнительной власти), Верховный суд Российской Федерации (в части формирования судебной практики рассмотрения тех или иных гражданских, уголовных и административных дел). Судебная контрольная деятельность и правовые позиции судов, тоже по своей сути не отличаются от политических концепций, но осуществлять так называемую правовую политику они не могут по определению.

Таким образом, государственная деятельность, непосредственно связанная с воздействием на правовую

сферу общества, фактически осуществляется исполнительными, законодательными и судебными органами, формально независимыми друг от друга, поэтому единой политики в области права они могут и не иметь. Более того, в системе разделения властей и в зависимости от политической обстановки их интересы могут быть диаметрально противоположными.

Отдельно необходимо остановиться на возможности участия институтов гражданского общества в формировании и осуществлении правовой политики. Как правило, под такими институтами понимают политические партии, общественные организации, профессиональные объединения, религиозные организации и другие социальные группы. Безусловно, в современной демократической системе влияние гражданского общества на политику государства велико, но нельзя признать их полноценными субъектами правовой политики. Общественность принимает в них опосредованное участие путем консультаций, выработки предложений, получения обратной связи по поводу реализации тех или иных реформ в сфере правового регулирования. Позиции гражданского общества могут быть реализованы только посредством общеобязательных официальных правовых актов.

На основании изложенного надо полагать, что сложившаяся концепция правовой политики не беспорна. Во-первых,

правовая политика не может считаться атрибутом государства в целом, т. к. она осуществляется, как правило, только исполнительными органами власти и ограничена их компетенцией. Во-вторых, основные атрибуты, структура и принципы правовой системы государства отражены в Конституции Российской Федерации (или конституционных актах любой другой демократической страны), а также в законодательстве, поэтому изменение этих положений через парламент как демократический институт не может признаваться политикой государства (это воля народа как носителя власти, а не государственных органов). В-третьих, концептуальность (научная обоснованность, идейность и пр.), выступающая в качестве характеристики правовой политики, больше соответствует правовой идеологии, которая закреплена в конституциях. Следовательно, правовая политика служит механизмом реализации правовой идеологии, и самостоятельное ее значение сомнительно. В-четвертых, вся суть современной правовой политики может быть сведена к понятию «реформа», которое обозначает изменение порядка регулирования той или иной области общественных отношений.

Следует предположить, что термин «правовая политика» принят из советской юриспруденции, однако не совсем точно адаптирован к новой политической системе и требует дальнейшей проработки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Малько А. В. Правовая политика в современной России: актуальные проблемы теории и практики (обзор материалов «круглого стола») // Правоприменение. Омск: Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского, 2018. Т. 2. № 3. С. 142–152.
2. Малько А. В., Затонский В. А. Правовая политика в сфере формирования сильного государства // Право и государство. 2018. № 1-2. С. 23–34.
3. Трофимов В. В. Государственная правовая политика современной России: от доктрины к практике реализации // Правовая политика и правовая жизнь. 2018. № 3. С. 79–87.
4. Рыбаков О. Ю. Правовая политика в сфере прав и свобод личности: формы и виды // Юристь-Правоведь. 2004. № 4. С. 23–26.

5. Сацута А. И. Правовая политика государства как объект политологического анализа // Социально-гуманитарное обозрение. 2019. № 3. С. 66–71.
6. Правовая система социализма. В двух книгах. Книга 1: Понятие, структуры, социальные связи / отв. ред. А. М. Васильев. М., 1986. 368 с.
7. О Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года: Указ Президента Республики Казахстан от 24 августа 2009 г. № 858. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U090000858> (дата обращения: 19.10.2020).
8. О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации: Указ Президента РФ от 18 июля 2008 г. № 1108 (ред. от 29.07.2014) // СПС «КонсультантПлюс».
9. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
10. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

© Бредихин А. Л.

УДК 347.962(470)(091)

Р. Р. ОЛЕЙНИК, старший преподаватель кафедры истории и теории государства и права, Уфимского юридического института МВД России, кандидат исторических наук (г. Уфа)

R. R. OLEYNIK, Senior instructor of the Chair of History and Theory of State and Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of History (Ufa)

Э. Р. ЧЕРНОВА, доцент кафедры истории и теории государства и права, Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (г. Уфа)

E. R. CHERNOVA, Assistant Professor of the Chair of History and Theory of State and Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law (Ufa)

ЭВОЛЮЦИЯ ОРГАНОВ СУДЕЙСКОГО СООБЩЕСТВА В РОССИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

EVOLUTION OF THE JUDICIAL COMMUNITY BODIES IN RUSSIA: HISTORICAL AND LEGAL ASPECT

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические основы становления и развития органов судейского сообщества в Российской Федерации. Изучены основные нормативные акты, регламентирующие деятельность органов судейского сообщества. Отдельное внимание

уделено месту органов судейского сообщества в системе разделения властей. Авторами отмечено, что на конституционном уровне данный вопрос остается открытым, в связи с особенностями реализуемых задач органы судейского сообщества выведены за рамки законодательной, исполнительной и судебной властей. Сделан вывод о том, что органы судейского сообщества являются особым видом публично-правовых образований, не имеющих аналогов в механизме российского государства. Специфика их правового положения связана с их предназначением, ролью и местом в судебной системе.

Ключевые слова и словосочетания: суд, судья, судейское сообщество, развитие органов судейского самоуправления.

Annotation. The article discusses the theoretical foundations of the formation and development of the bodies of the judicial community in the Russian Federation. The main normative acts regulating the activities of the judicial community bodies have been studied. Special attention is paid to the place of the judicial community bodies in the system of separation of powers. The authors note that at the constitutional level, this issue remains open, due to the specifics of the tasks being implemented, the judicial community bodies are removed from the legislative, executive and judicial authorities. It is concluded that the bodies of the judicial community are a special type of public legal entities that have no analogues in the mechanism of the Russian state. The specifics of their legal status are related to their purpose, role and place in the judicial system.

Keywords and phrases: court, judge, judicial community, development of judicial self-government bodies.

Осуществление правосудия является не единственной функцией судебной власти. Важную роль в обеспечении принципа независимости судебной власти играют органы судейского сообщества, которые непосредственно участвуют в вопросах формирования судейского корпуса, проверке квалификации судей, привлечении их к ответственности, выступают с предложениями по вопросам материального и социального обеспечения, совершенствования законодательства о статусе судей.

Структурированное судейское сообщество России, состоящее из судей судов государства, по меркам истории совсем молодо: оно насчитывает немногим более двух десятков лет, хотя зародилось раньше. В то же время, решая все новые задачи, оно стремительно развивается, для чего еще более структурируется.

Согласно юридической литературе первые зачатки органов судейского сообщества связаны с Указом Петра I от 22 февраля 1711 г., когда был образован Сенат, в составе которого в 1712 г. была создана Расправная палата [1, с. 453]. Основная функция Расправ-

ной палаты – рассмотрение жалоб фискалов на решения и действия суда, не соответствующие закону. Интересным, на наш взгляд, являются исследования Н. Н. Смирновой. Так, она отмечает, что Сенат помимо судебной функции, еще осуществлял и надзорную, что с некоторой долей условности, свидетельствует о том, что Сенат выполнял часть задач органов судейского сообщества. В то же самое время данный орган не был выборным, поэтому Расправную палату мы не можем рассматривать в качестве управленческого органа по отношению к судьям.

Итак, ни Расправную палату, ни сам Сенат в целом к органам судейского сообщества мы не можем отнести. Данную совокупность судей следует квалифицировать как судейский корпус, состоящий из судей, «действия и проступки которых, совершенные и не при осуществлении правосудия, равно как и незаконные действия и решения местных органов управления, теперь можно было обжаловать в специально созданный для этого орган, также состоящий в основном из судей, назначенных Сенатом («председа-

тель и члены» Палаты), но не избранных судьями» [2, с. 35].

Становление судейского сообщества в России началось в период Великих реформ Александра II и связано с судебной реформой 1864 г. [3, с. 33]. Согласно ст. 213–215 Учреждения судебных установлений кандидаты на должность члена окружного суда или судебной палаты рассматривались на общем собрании членов данного судебного учреждения с участием прокурора [3]. Безусловно, такого рода собрания судей не были формальными, существовали ограничения при выборе кандидата, при этом учитывались такие критерии, как стаж, нравственные и деловые качества кандидата.

В советский период времени элементы самоорганизации судейского сообщества совсем не просматриваются. Например, в Декрете Совета Народных Комиссаров РСФСР «О суде», который был принят 24 ноября 1917 г. не содержится информации о судейской самоорганизации [4, с. 27]. Анализируя советские судоустройственные акты и прочие документы судопроизводства мы наблюдаем аналогичную ситуацию.

Несмотря на то, что в советский период проводились различные конференции, совещания судей, обсуждались проблемные вопросы, еще длительное время отсутствовало самое понятие «орган судейского сообщества».

25 февраля 1986 г. на XXVII съезде КПСС Горбачев впервые заявил о необходимости гласности при проведении преобразований в стране. Органы судейского сообщества возникали в инициативном порядке. Они создавались и функционировали без какого-либо законодательного акта.

В Концепции судебной реформы в РСФСР, которая была одобрена Постановлением Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1, указывалось, что к числу причин кризиса российской системы относится отсутствие сплоченности, которая могла бы иметь

существенное влияние в деятельности государства [5]. Также следует отметить, что понятие «квалификационная коллегия судей» появилось раньше термина «орган судейского сообщества».

В 1990–1991 гг. судебная система пережила системный кризис: судьи десятилетиями подавали заявления об увольнении, не хватало квалифицированных кадров. Несмотря на кризисные явления важным событием для судейского сообщества стал I Всероссийский съезд судей, который состоялся 17–18 октября 1991 года. Первый съезд судей отличался свободой дискуссий, разнообразием мнений, а некоторые участники съезда свои предложения выражали в письменной форме. Уже на следующий год

29–30 июня организуется II Всероссийский съезд судей. Примечательной особенностью съезда стало участие в нем наряду с судьями судов общей юрисдикции судей арбитражных и военных судов. На данном съезде впервые в истории судебной системы России тайным голосованием избирается Высшая квалификационная коллегия судей Российской Федерации. Следует отметить, что на современном этапе Всероссийский съезд судей является высшим органом судейского сообщества. Съезд проводится один раз в четыре года для обсуждения и принятия знаковых решений в судебной системе Российской Федерации.

Усилиями Верховного Суда Российской Федерации, Совета судей и его Президиума при поддержке органов законодательной власти был принят Закон Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-I «О статусе судей в Российской Федерации» [6], который заложил основы независимости судебной власти, гарантии финансового обеспечения судов, неприкосновенности судей. Так, квалификационные коллегии судей (далее – ККС) формировались для выдвижения наиболее достойных кандидатов в судьи и усиления гарантий независимости судей. В соответствии с п. 3 ст. 14 и

п. 6 ст. 15 Закона «О статусе судей в СССР» порядок выборов делегатов на конференции судей и порядок выборов судей ККС, организация их деятельности, определялось положениями, утверждаемыми законодательством союзных республик [7].

Важное значение здесь сыграла роль председателя Верховного суда Российской Федерации В. М. Лебедева, который внес личный вклад для формирования сильной самостоятельной судебной власти. Благодаря целеустремленности, твердости его позиций, впервые быстрыми темпами был создан сильный и независимый суд.

С момента принятия 30 июня 1993 г. Положения «Об органах судейского сообщества Российской Федерации» исчисляется современный этап развития органов судейского сообщества [8]. Данный документ определяет правовой статус судейского сообщества [9, с. 150].

В Республике Башкортостан 31 марта 1993 г. принимается Закон «О судебной системе Республики Башкортостан». Данный закон примечателен тем, что статьей 20 для выражения интересов судей Республики Башкортостан как носителей судебной власти формируются в установленном законом порядке органы судейского сообщества Республики Башкортостан. Высшим органом судейского сообщества Республики Башкортостан устанавливался Съезд судей Республики Башкортостан, который формировал Совет судей Республики Башкортостан и Высшую квалификационную коллегия судей Республики Башкортостан [10]. В целях гармонизации законодательства Республики Башкортостан с федеральным законодательством в начале 2000-х гг. были признаны утратившими силу многие нормативно-правовые акты, в том числе закон «О судебной системе Республики Башкортостан».

В Конституции РФ были закреплены основы организации и деятельности судейского сообщества: право граждан на

объединение, на участие в управлении государством, на участие в отправлении правосудия, право каждого на объединение; обозначены гарантии свободы деятельности общественных объединений, равенство общественных объединений перед законом (ч. 4 ст. 13, ч. 2 ст. 19, ч. 1 ст. 30, чч. 1 и 5 ст. 32) [11].

В декабре 1996 года был принят Федеральный конституционный закон (далее – ФКЗ) «О судебной системе Российской Федерации» [12], в соответствии со ст. 29 которого высшим органом судейского сообщества был назван Всероссийский съезд судей, формирующий Совет судей Российской Федерации (далее Совет судей РФ) и Высшую квалификационную коллегия судей РФ. Законодатель обозначил лишь общие нормы, регламентирующие деятельность высших органов судейского сообщества. Полномочия и порядок создания были закреплены отдельным законодательным актом, а именно Федеральным законом «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации», который был принят в 2002 г. [13]. В документе сказано, что предназначение органов судейского сообщества заключается не только в защите интересов судей, но и в повышении доверия физических и юридических лиц к судебным органам, авторитета судебных органов в обществе.

В 2004 г. на VI Всероссийском съезде судей были приняты ряд постановлений «О Кодексе судейской этики» и «О регламенте Всероссийского съезда судей», «О состоянии правосудия в Российской Федерации и перспективах его совершенствования».

Комиссией Совета судей Российской Федерации по связям с советами судей субъектов Российской Федерации совместно с Советом судей Тамбовской области, редакцией журнала «Судья» при поддержке Совета судей Российской Федерации и Российского объединения судей была организована и проведена научно-практическая конференция «Су-

дебная власть в современном обществе (Судья. Общество. Государство)» посредством видео-конференц-связи. Проведение конференции было посвящено запланированному X юбилейному Всероссийскому съезду судей. На конференции были поставлены на обсуждение вопросы о судебной власти в современном обществе и государстве, о деятельности органов судебной системы в динамике исторического развития, а также об основных аспектах профессионального и личностного статуса судьи. В резолюции конференции было отмечено, что формирование профессионального судейского корпуса является одним из главных условий эффективности судебной системы и ее самостоятельности. Одним из ключевых механизмов, обеспечивающих независимость и эффективность суда, является прозрачная, публичная и понятная процедура занятия судейского кресла [14].

На современном этапе термин «органы судейского сообщества» не имеет своего закрепления в законодательстве, споры по поводу дефиниции данного термина существуют и в литературе.

Как указывает М. И. Клеандров, в настоящее время отсутствуют законодательные нормы, определяющие правовой статус органов судейского сообщества – не определено, относятся ли они к государственным (судебным) органам или к общественным организациям [15, с. 8]. По мнению Е. В. Бурдиной, данный вопрос не раскрыт и в правовой литературе [16, с. 88].

Определяя правовую природу органов судейского сообщества, ученые высказывают различные точки зрения. Так, по мнению

О. В. Романовской, квалификационные коллегии относятся к органам государственной власти с особым статусом. Данный вывод основывается на том, что квалификационная коллегия обладает дисциплинарной властью по отношению к судьям, имеются властеотношения,

носящие специфичный характер. Судья в административном порядке не подчинен коллегии, при осуществлении правосудия он самостоятелен, «но элемент принуждения (а не подчинения) обуславливает тезис о наличии административно-правового элемента» [17, с. 237].

Склоняясь к тому, что квалификационные коллегии относятся к органам государственной власти с особым статусом, О. В. Романовская предлагает скорректировать их правовое регулирование, в результате чего «они должны утратить свое отнесение к органам судейского сообщества» [18, с. 17].

По мнению Л. Н. Пугиной, органы судейского сообщества относятся к органам, осуществляющим реализацию полномочий Президента Российской Федерации (далее Президент РФ), а именно – это обеспечивающие и экспертно-консультативные субъекты, которые принимают участие в реализации полномочий Президента РФ по назначению судей [19, с. 120].

По мнению Е. А. Григорьевой, Е. А. Злобиной, судейское сообщество является совокупностью самостоятельных объединений судей Российской Федерации, которые создаются в целях решения конкретных задач осуществления судебной власти. Органы судейского сообщества, с одной стороны, имеют признаки, которые свойственны специализированным общественным организациям-профсоюзам, а с другой, – имеют сходства с органами управления юридических лиц по объему компетенции [20, с. 17].

Органы судейского сообщества анализировались с точки зрения общественной природы. Аналогичной позиции придерживается и

Б. В. Сангаджиев, который считает, что судейское сообщество – это некоммерческая организация, имеющая особую организационно-правовую форму [21, с. 122].

Т. Машкина и Н. Морозова, анализируя правовую природу органов судебного

сообщества, приходят к выводу, что они не относятся ни к органам государственной власти, ни к общественным организациям. Поскольку органы судейского сообщества имеют властные полномочия, наделенные государством по отношению к его членам, реализуют свои функции к сфере публичного права, исследователи рассматривают вопрос об их правовой природе в разрезе административного права. Под органами судейского сообщества они понимают основанные на членстве объединения физических лиц, создаваемых для конкретных целей – организации деятельности в какой-либо сфере, и осуществляют некоторые управленческие функции, для чего наделяются властными полномочиями. По мнению Т. Машкиной и Н. Морозовой, судейское сообщество и его органы являются публично-правовыми корпорациями, как и адвокатские и нотариальные палаты [22, с. 20].

Е. Б. Абросимова указывает, что законодатель, скорее, исходит из общественной природы органов судейского сообщества. Но при этом законодатель наделил квалификационные коллегии судей полномочиями по формированию судейского корпуса и лишению правового статуса судьи. Все это, по мнению исследователя, свидетельствует о том, что законодатель наделил судейское сообщество полномочиями государственно-властного или публичного характера. Следовательно, по мнению, Е. Б. Абросимовой, правовая природа квалификационных коллегий является смешанной, что и приводит к сложностям с ее идентификацией [23, с. 123].

Рассматривая природу органов судейского сообщества, И. Б. Михайловская считает, что факторами, предопределяющими формирование органов судейского сообщества как органов самоуправления, носителей одной из ветвей государственной власти, является наличие внутреннего контроля судебной власти. Ученый указывает на то, что судейское

сообщество сочетает в себе начала самоуправления и властный характер полномочий субъектов, его осуществляющих. При этом И. Б. Михайловская отмечает, что самоуправление – это приоритетный, идентифицирующий признак органов судейского сообщества [24, с. 29].

Проведенный анализ демонстрирует, что сложилось множество подходов к правовой природе судейского сообщества. К отличительным чертам органов судейского сообщества, по мнению Е. В. Бурдиной, относится следующее:

- органы судейского сообщества являются особым видом публично-правовых образований, которые не имеют аналогов в механизме российского государства; специфика правового положения органов судейского сообщества связана с их предназначением, ролью и местом в судебной системе;

- являются органами профессионального публично-правового образования – судейского сообщества;

- судейское сообщество создано на основании закона, который имеет высшую ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» – закона, имеющего высшую юридическую силу после Конституции Российской Федерации;

- основная цель деятельности органов судейского – обеспечение независимости судебной власти, повышения качества ее деятельности;

- в финансовом и организационном плане являются независимыми от органов законодательной, исполнительной и судебной власти;

- обладают государственно-властными полномочиями по участию в формировании судейского корпуса, поддержке судейской карьеры, привлечению судей к дисциплинарной ответственности;

- выступают частью организационно-административного аппарата судебной власти [25, с. 29].

Систему судейского сообщества можно представить в качестве трехуровневой системы. Первым уровнем является об-

щее собрание судей судов, вторым уровнем – органы судейского сообщества, третий уровень структур судейского сообщества представлен объединениями, характеризующимися добровольностью вступления в них и полным отсутствием у них каких-либо государственно-властных полномочий.

Первый уровень органов судейского сообщества избирает второй уровень. Например, судьи, входящие в структуры первого уровня, избирают членов Всероссийского съезда судей, а последний, в свою очередь, избирает Совет судей РФ. Данный же Совет избирает Президиум Совета судей РФ, его секции и комиссии Совета и так далее. Главным отличием первого уровня является то, что судей в данную структуру никто не избирает. Сюда они включаются автоматически, исходя из ст. 2 Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации», которая гласит, что судьи федеральных судов и судов субъектов РФ являются членами судейского сообщества с момента принесения ими присяги судьи.

Г. П. Муратшина предлагает наделить правом участия в органах судейского сообщества мировых судей, закрепив в Федеральном законе Российской Федерации «О мировых судьях в Российской Федерации» за мировыми судьями право

на создание собственных органов судейского сообщества, прежде всего, советов мировых судей субъектов Российской Федерации [26, с. 15].

Таким образом, судейское сообщество как корпорация профессиональных судей, начало формироваться в Российской Империи после судебной реформы 1864 г. В советский период в России были законодательно определены организационно-правовые основы судейского корпуса. В настоящее время законодательной базой формирования и деятельности органов судейского сообщества служит только ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации». В связи с особенностями реализуемых задач органы судейского сообщества выведены за рамки законодательной, исполнительной и судебной властей [27, с. 56]. Предназначение органов судейского сообщества заключается не только в защите интересов судей, но и в повышении доверия физических и юридических лиц судебным органам, авторитета судебных органов в обществе. Органы судейского сообщества обеспечивают целостность и устойчивость всей судебной системы России, осуществляют взаимодействие гражданского общества через судейский корпус с государством и сами органы судейского сообщества с судейским корпусом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Смирнова Н. Н. Становление судейского сообщества в царской России // Известия РГПУ имени А. И. Герцена. 2008. № 7. С. 453–456.
2. Жмурко И. М. История развития судейского сообщества и его органов в России // Администратор суда. 2010. № 4. С. 34–39.
3. Учреждение судебных установлений // СПС «КонсультантПлюс».
4. Григорьев О. В. Военно-судебные органы (1918–1921 гг.) // Военно-юридический журнал. 2011. № 1. С. 25–32.
5. О Концепции судебной реформы в РСФСР: постановление ВС РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.
6. О статусе судей в Российской Федерации: закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 (с посл. изм. и доп. от 2 августа 2019 г. № 285-ФЗ) // Официальный Интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 21.11.2020).

7. О статусе судей в СССР: закон СССР от 4 августа 1989 г. // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1989. № 9. Ст. 223.
8. О Постановлениях II Всероссийского съезда судей от 30 июня 1993 г. «О ходе судебной реформы в Российской Федерации» и «Об утверждении Положения об органах судейского сообщества Российской Федерации»: письмо Президиума Совета судей РФ от 22 июля 1993 г. // Официальный сайт Совета судей Российской Федерации. URL: <http://www.ssrf.ru/dokumenty> (дата обращения: 23.11.2020).
9. Клеандров М. И. Судейское сообщество: структура, организационно-правовое развитие: монография. М.: Юр. норма, НИЦ ИНФРА-М, 2019. 352 с.
10. О судебной системе Республики Башкортостан: закон Республики Башкортостан от 31 марта 1993 г. № ВС-17/12 (с изменениями на 28.01.1998). Утратил силу на основании Закона Республики Башкортостан от 30.12.2000 № 149-з. URL: <http://docs.cntd.ru/document/935000382> (дата обращения: 23.11.2020).
11. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // СПС «КонсультантПлюс».
12. О судебной системе Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ (с посл. изм. и доп. от 30 октября 2018 г. № 2-ФКЗ) // Официальный Интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 21.09.2019).
13. Об органах судейского сообщества в Российской Федерации: федеральный закон от 14 марта 2002 г. № 30-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 20 июля 2020 г. № 231-ФЗ) // Официальный Интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 21.11.2020).
14. Судебная власть в современном обществе: Всероссийская научно-практическая конференция // Совет Судей Российской Федерации. URL: <http://www.ssrf.ru/news/lenta-novostiei/39437> (дата обращения: 22.11.2020).
15. Клеандров М. И. Становление и развитие органов судейского сообщества // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 3. С. 8–17.
16. Бурдина Е. В. Судейское сообщество как особое профессиональное публично-правовое образование: понятие и признаки // Право и государство: теория и практика. 2012. № 11. С. 88–91.
17. Романовская О. В. Административно-правовой статус квалификационных коллегий // Судебная реформа в современной России: итоги и перспективы: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 20-летию судебной реформы (г. Пенза, 20-21 октября 2011 г.) / под ред. А. В. Малько, В. А. Терехина. Пенза: Изд-во ПГУ, 2011. С. 237–242.
18. Романовская О. В. Правовой статус органов судейского сообщества в Российской Федерации // Гражданин и право. 2015. № 7. С. 17–30.
19. Пугина Л. Н. Конституционно-правовые полномочия Президента Российской Федерации по назначению судей Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 237 с.
20. Григорьева Е. А., Злобина Е. А. Комментарий к Федеральному закону от 14 марта 2002 г. № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации». М.: Ай Пи Эр Медиа, 2011. 180 с.
21. Сангаджиев Б. В. Институциональные характеристики судебной власти в Российской Федерации: вопросы теории и практики: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2013. 366 с.
22. Машкина Т., Морозова Н. Правовая природа квалификационных коллегий судей // Российская юстиция. 2003. № 12. С. 20–22.
23. Абросимова Е. Б. Очерки российского судоустройства: реформы и результаты. М.: Институт права и публичной политики, 2009. 278 с.
24. Михайловская И. Б. Суды и судьи: независимость и управляемость. М.: Проспект, 2010. 128 с.
25. Бурдина Е. В. Органы судейского сообщества в Российской Федерации: традиции, современность, перспективы развития. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2013. 280 с.
26. Муратшина Г. П. Закон о мировых судьях нуждается в обновлении // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2014. № 2 (23). С. 12–16.

27. Чернова Э. Р. Реализация принципа разделения властей в системе федеральных органов государственной власти // История федерализма в России. К 100-летию образования Автономной Башкирской Республики: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Стерлитамак: Стерлитамакский филиал Башкирского государственного учреждения, 2018. С. 52–57.

© Олейник Р. Р.

© Чернова Э. Р.

УДК 340.13:342.723-049.65(470)

Э. Р. ЧЕРНОВА, доцент кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (г. Уфа)

E. R. CHERNOVA, Assistant Professor of the Chair of History and Theory of State and Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law (Ufa)

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

THEORETICAL AND LEGAL BASIS FOR THE PERSONAL DATA PROTECTION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. На протяжении долгого времени ни в международном законодательстве, ни в национальных законодательствах разных государств не закреплялось специальных правил о порядке получения, хранения, передачи и защиты персональных сведений. Автором отмечено, что развитие современных информационно-технических средств дает возможность собирать и обрабатывать огромные объемы социально значимой информации, а развитие компьютерной техники предоставляет доступ к различным банкам персональных данных о любом человеке. В связи с этим в настоящее время большое значение приобретает правовой порядок обеспечения защиты персональной информации. На основании проведенного анализа отмечено, что нормативные акты, закрепляющие правовые основы защиты персональных данных, содержат много неточностей и пробелов, не определен необходимый минимум предоставления персональных данных в различные организации.

Ключевые слова и словосочетания: персональные данные, защита персональных данных, правовое регулирование, обработка персональных данных, информация.

Annotation. For a long time, neither in international legislation, nor in the national legislation of different states, there have been special rules on the procedure for obtaining, storing, transferring and protecting personal information. The author notes that the development of modern information and technical means makes it possible to collect and process huge amounts of socially significant information, and the development of computer technology gives access to various banks of personal data of any individual. In this connection, at present, the legal procedure for ensuring the protection of personal information is of great importance. On the basis of the analysis, it was noted that the regulatory

acts establishing the legal basis for the protection of personal data contain many inaccuracies and gaps, the required minimum for providing personal data to various organizations has not been determined.

Keywords and phrases: *personal data, personal data protection, legal regulation, processing of personal data, information.*

Защита от вмешательства в личную жизнь – это одно из фундаментальных прав человека, на котором основывается необходимость защиты персональных сведений. Всеобщая Декларация прав человека [1] содержит статью 12, в которой указано, что никто не может быть подвержен произвольному вмешательству в личную и семейную жизнь, произвольным посягательствам на неприкосновенность его жилища, тайну его корреспонденции, на его честь и репутацию. Право на уважение частной и семейной жизни отражено также в ст. 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод [2], ратифицированной Российской Федерацией.

На протяжении долгого времени ни в международном законодательстве, ни в национальных законодательствах разных государств, за исключением вышеизложенных норм, не фиксировалось никаких других специальных правил о порядке получения, хранения, передачи и защиты персональных сведений. Только эпоха компьютеризации послужила началом изменений в сфере защиты персональных данных. Необходимо отметить, что именно в данное время у государственных органов и организаций стало накапливаться огромное количество персональной информации, которая с легкостью могла получить огласку, в результате чего лицам, которым принадлежала данная информация, мог быть причинен как материальный, так и моральный вред. Это послужило причиной тому, что законодательство, регулирующее порядок получения, хранения, обработки, передачи и защиты персональных данных, начиная с 1970-х гг., стало появляться в промышленно развитых странах.

Комплексное решение правового регулирования порядка обеспечения защиты персональных данных должно

учитывать двойственную природу этого понятия. Во-первых, персональная информация является составной частью понятия «частная жизнь» человека, а, как известно, неприкосновенность частной жизни охраняется законом. Во-вторых, персональные данные – это один из важнейших элементов социализации индивида. Персональные сведения представляют собой своеобразную «визитку» человека в обществе и служат основой для реализации его правоспособности и дееспособности. Из этого следует, что персональная информация не всегда может и должна быть конфиденциальной.

В силу вышеназванных причин порядок регулирования защиты персональных данных должен развиваться в трех основных направлениях:

1) направление, которое связано с защитой конфиденциальности персональной информации в процессе социальной жизни человека (взаимодействие с государственными органами, профессиональная деятельность, семейные отношения, финансовая деятельность, получение образовательных, медицинских, адвокатских услуг и т. д.), то есть с обработкой персональных сведений операторами информационных систем персональных данных;

2) направление, которое связано с обеспечением конфиденциальности личных данных человека в условиях свободы средств массовой информации (далее – СМИ);

3) направление, которое связано с правовым изъятием из общего режима конфиденциальности персональных данных, действующих во время избирательных кампаний и в иных других случаях.

Определение персональных данных впервые было указано в Европейской Конвенции от 28 января 1981 г. «О защите физических лиц при автоматизи-

рованной обработке данных личного характера» [3]. В соответствии с данной Конвенцией персональными данными являлась любая информация, имеющая отношение к определенному физическому лицу или поддающаяся его определению. Необходимо отметить, что в данном определении не нашли свое отражение важнейшие отличия персональных данных от любой другой информации, что и является его недостатком.

Основным законом, регулирующим правоотношения в области персональных данных на территории Российской Федерации, является Федеральный закон от 27 июля 2006 г. «О персональных данных» (далее – ФЗ «О персональных данных»). В соответствии с данным законом персональными данными является любая информация, имеющая отношение к определенному или определяемому на основании такой информации физическому лицу (т. е. субъекту персональных данных), в том числе его фамилия, имя, отчество, дата рождения, адрес проживания по прописке и адрес фактического проживания, место рождения, место получения образования, доходы, профессия, социальное, семейное и иное положение физического лица и т. д. [4]. Данное определение персональных данных является достаточно широким и тем самым может охватывать любой иной вид информации, имеющий ограниченный доступ для других лиц.

Отсутствие свободного доступа для других лиц и наличие эффективной системы защиты предполагает отношение персональных данных к категории конфиденциальной информации. Именно на предупреждение несанкционированных действий по уничтожению, искажению, модификации, блокированию, копированию информации либо иного вида вмешательства в личную жизнь, противоречащего закону, направлено включение персональных данных о человеке в разряд конфиденциальных сведений [5, с. 130].

В противоположность другим видам информации, имеющим конфиденциальный характер, особенностью персональных данных является то, что они могут перейти в разряд общедоступных. Как указывается в ФЗ «О персональных данных», общедоступными персональными данными являются те данные, к которым с согласия субъекта персональных данных предоставлен доступ неограниченному кругу лиц, либо на которые не распространяются требования соблюдения конфиденциальности согласно действующему законодательству. К таким данным можно отнести различную справочную информацию, данные для осуществления прямого маркетинга, частные объявления и др.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 6 марта 1997 г. «Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера» не относятся к категории конфиденциальных сведения, подлежащие распространению в СМИ. В частности, для лиц, которые занимают высшие государственные должности, а также кандидатов на эти должности в соответствующие периоды, а именно в периоды предвыборной кампании, устанавливается специальный правовой режим персональных данных [6]. Вместе с тем при возникновении согласия обладателя таких видов данных, ограничения, которые действуют в отношении персональных данных, могут быть сняты.

ФЗ «О персональных данных» также дает определение понятию «обработка персональных данных», которая включает в себя сбор данной информации, ее хранение и возможный анализ, ограничивает сферу действия вышеназванного закона, в то же время исключая возможность защиты персональных данных при их распространении. Однако в соответствии со статистикой нарушение прав и законных интересов граждан и различных организаций в большинстве случаев происходит по причине незаконного рас-

пространения персональных сведений [7, с. 3].

Также необходимо обратить внимание на то, что российское законодательство под определением «обработка персональных данных» подразумевает более расширенное содержание, чем это можно заметить на первый взгляд. В п. 1 ст. 3 ФЗ «О персональных данных» указано, что обработкой персональных данных являются любые действия или операции, осуществляемые с персональной информацией, включающие в себя сбор, систематизацию, хранение, накопление, уточнение (обновление, изменение), распространение (в т. ч. передачу), использование, обезличивание, уничтожение и блокирование персональной информации.

Действующее российское законодательство, включая и государственные органы, ответственные за его исполнение, в сложившейся ситуации не всегда способны гарантировать абсолютное обеспечение безопасности всех персональных сведений, равно как и установить какие-либо ограничения на сбор и распространение некоторых из них. И именно той персональной информации, распространение которой субъект персональных данных осуществляет самостоятельно, это касается чаще всего.

Вместе с тем российским законодательством, а именно ФЗ «О персональных данных», предусмотрены случаи, на которые не распространяется его действие. К таким случаям относятся, к примеру:

1. Обработка физическим лицом персональных данных в своих личных целях с соблюдением всех законных прав субъектов персональных данных. К примеру, физическое лицо вправе вести домашний справочник, содержащий ФИО, адреса, даты рождения, номера телефонов субъектов персональных данных.

2. Реализация процедуры хранения, передачи, комплектования, учета и использования документации Архивного

фонда Российской Федерации, а также другой архивной документации в соответствии с действующим ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации».

3. Обработка персональной информации о физическом лице, подлежащей дальнейшему включению в Единый государственный реестр индивидуальных предпринимателей, а также, учитывая деятельность физического лица в качестве индивидуального предпринимателя, производящейся согласно действующему законодательству Российской Федерации. Государственная регистрация в Российской Федерации регламентирована Гражданским Кодексом Российской Федерации, Федеральным законом от 8 августа 2001 года № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», а также издаваемыми в соответствии с данными законами иными нормативными правовыми актами.

4. Обработка персональной информации, в установленном порядке отнесенная к информации, являющейся государственной тайной. Информация, составляющая государственную тайну, содержит определенную совокупность сведений, согласно которым эти данные можно отнести к государственной тайне. Порядок и основания засекречивания информации, составляющей государственную тайну, устанавливает Закон Российской Федерации «О государственной тайне» [8].

В соответствии со статьей 5 ФЗ «О персональных данных» в основе обработки персональных данных в организациях должны быть заложены определенные принципы.

Во-первых, достижение конкретных и заранее определенных целей должно ограничивать процесс обработки персональной информации. Во-вторых, обработка личной информации детей, которая не соответствует задачам данной процедуры, подлежит исключению. В-третьих, объем и содержание обрабатываемых

персональных данных должны быть согласованы с целями обработки. Иными словами, персональные данные, доступ к которым обеспечивается, не должны быть избыточными. В противном случае ситуация, когда учреждение требует обязательного предоставления избыточных персональных данных, будет прямо противоречить установкам действующего законодательства. Однако минимальный объем персональных данных, предоставляемых гражданами в различные организации, на законодательном уровне не установлен. Таким образом, не определена и юридическая ответственность и, следовательно, существует необходимость законодательной установки необходимого количества персональных данных, которые должны быть предоставлены субъектом организации. Кроме того, в случае нарушения данной нормы, необходимо определить юридическую ответственность.

Необходимо также обратить внимание на Федеральный закон от 27 июля 2006 г. «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [10]. Статьей 9 вышеназванного закона устанавливается запрет на требование предоставления информации о частной жизни граждан, которая включает сведения, составляющие личную или семейную тайну, а также на получение такой информации без согласия гражданина, если иное не предусмотрено иными нормативными правовыми актами. Вместе с тем, исходя из статьи 8 указанного закона, гражданин имеет право на получение информации, которая непосредственно касается его прав и свобод, от государственных органов, органов местного самоуправления, их должностных лиц в порядке, который установлен законодательством Российской Федерации.

Следует отметить, что персональные данные субъектов, состоящих в трудовых отношениях, также находятся под защитой трудового законодательства. Гражда-

нин, поступая на работу, сообщает о себе много личной информации. «Положение о работе с персональными данными работников» – это специальное положение о порядке защиты персональных данных, которое согласно Трудовому Кодексу Российской Федерации (далее – ТК РФ) обязаны разрабатывать организации, учреждения и предприятия в целях защиты гражданина от использования личной информации против него.

Статья 68 ТК РФ содержит требования, которых необходимо придерживаться при обработке персональных данных работников, а также гарантии их защиты. Осуществление помощи в трудоустройстве, карьерный рост, обучение, контроль количества и качества выполняемой работы, гарантия личной безопасности работников и сохранности имущества, выполнение требований законов относятся к основным целям обработки персональных данных работника.

Обязанностью работника является личное предоставление всех необходимых персональных сведений. В случае предоставления персональных сведений третьей стороной необходимо заранее проинформировать об этом работника, кроме того, на это требуется его письменное согласие. Работодатель, выполняя обработку персональных данных, выступает в качестве «оператора персональных данных», и ФЗ «О защите персональных данных» требует от него обеспечивать безопасность этих данных.

Согласно гл. 14 ТК РФ каждая организация (учреждение, предприятие) обязана разработать и ввести в действие локальные нормативные акты, определяющие порядок сбора, хранения, использования, передачи, хранения с персональной информацией ее работников.

В дополнение всего вышеизложенного приоритетное внимание следует уделить вопросу защиты персональных данных детей в различных образовательных организациях. При поступлении в

образовательное учреждение (дошкольное, школу, лицей и т. д.) родители либо сам ребенок обязан предоставить о себе всю необходимую персональную информацию. У многих возникают сомнения и опасения относительно распространения личных данных ребенка. И дабы обезопасить родителей, их детей и саму себя, образовательная организация обязана разработать локально-нормативный акт, регулирующий порядок сбора, хранения, использования, передачи, защиты персональных данных обучающихся, например, Положение о порядке обработки и защиты персональных данных обучающихся.

На основании изложенного следует отметить, что на сегодняшний день информация является важным условием жизни и социальной деятельности каждого человека, предметом его постоянного внимания. Человек, который находится в постоянных отношениях с другими людьми, организациями, органами власти, вынужден сообщать свои персо-

нальные данные для того, чтобы совершать юридически значимые решения, реализовывать свои права и выполнять свои обязанности. Однако любые сведения могут быть использованы как на благо, так и во вред человека. В связи с этим в настоящее время большое значение приобретает правовой порядок обеспечения защиты персональной информации. Следует законодательно определить необходимое количество персональных данных, которые субъект должен предоставить организации, а также установить юридическую ответственность в случае нарушения этого правила. Использование персональных данных допустимо только в соответствии с целями, определяющими их получение. В случае, когда в результате использования персональных сведений может быть нанесен имущественный или моральный вред, а также могут возникнуть затруднения в сфере реализации прав и свобод граждан Российской Федерации, их использование исключается.

ЛИТЕРАТУРА

1. Всеобщая декларация прав человека: принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г. // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 22.10.2020).
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод: заключена 4 ноября 1950 г. // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.
3. Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке данных личного характера: заключена 28 января 1981 г. // Собрание законодательства РФ. 2014. № 5. Ст. 419.
4. О персональных данных: федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ) // Собрание законодательства РФ от 31 июля 2006 г. № 31. Ч. 1. Ст. 3451.
5. Защита информации в информационном обществе: учебное пособие для вузов / под ред. А. А. Малюка. М.: ГЛТ, 2015. 230 с.
6. Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера: указ Президента РФ от 6 марта 1997 г. № 188 // Собрание законодательства РФ от 10 марта 1997 г. № 10. Ст. 1127.
7. Фастович Г. Г., Жикулина А. С., Рахвалова Н. А. Правовое регулирование отношений в области обработки персональных данных // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 2. С. 2–4.
8. О государственной тайне: закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 (с посл. изм. и доп. от 29 июля 2018 г. № 256-ФЗ) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации от 21 сентября 1993 г. № 38. Ст. 1480.

9. О Декларации прав и свобод человека и гражданина: постановление Верховного Совета РСФСР от 22 ноября 1991 г. № 1920-I // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 52. Ст. 1865.

10. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 8 июня 2020 г. № 177-ФЗ) // Собрание законодательства РФ от 31 июля 2006 г. № 3. Ч. 1. Ст. 3448.

© Чернова Э. Р.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

УДК 340.13:[070.1:001](470)

Э. Р. ИСХАКОВ, профессор кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России, доктор медицинских наук, профессор (г. Уфа)

E. R. ISKHAKOV, Professor of the Chair of Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Medicine, Professor (Ufa)

НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРИНЦИПОВ ПРОЗРАЧНОСТИ И ОБЪЕКТИВНОСТИ В ПУБЛИКАЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ НАУЧНЫХ ЖУРНАЛОВ

STATUTORY REGULATION OF THE PRINCIPLES OF TRANSPARENCY AND RESEARCH INTEGRITY IN PUBLICATION POLICY OF THE SCIENTIFIC JOURNALS

Аннотация. В статье приведены основные нормативные этические принципы прозрачности и объективности в публикационной политике научных журналов, которые рекомендуются общественными международными научными организациями, такими как Комитет по публикационной этике (COPE), Директорат журналов открытого доступа (DOAJ), а также Принципами прозрачности и наилучшей практики для научных публикаций (далее – принципы). Данные принципы, рекомендованные для применения в издательской политике научных журналов, связаны с названием журнала, оформлением и содержанием веб-сайта журнала, где необходимо указать полную информацию о правилах деятельности журнала, в том числе такую, как сведения об учредителях журнала, редакционном составе, контакты редакции, особенности процесса рецензирования поступающих статей, авторского права, финансовые вопросы, авторские взносы, меры по предупреждению нарушений при подготовке и написании научных статей (плагиат, фальсификация, фабрикация, недобросовестное цитирование, манипуляции и др.), публикационная этика, доступ к содержаниям журнала, архивация журнала, источник дохода для деятельности журнала, требования к рекламе, представляемой как в самом журнале, так и на его веб-сайте.

Ключевые слова и словосочетания: объективность в науке, прозрачность научных исследований, этика публикаций, международное право.

Annotation. *The main ethic principles of transparency and research integrity in publication policy of the scientific journals are shown in this article. These principles are recommended by public non-commercial international scientific organizations such as COPE – Committee on Publication Ethics, DOAJ – Directory of Open Access Journals as well as scientific open-access journals called «Principles of Transparency and Best Practice in Scholarly Publishing». They are connected with such rules and requirements as the title of a journal, design and the content of a journal's website, ownership and management, governing body, editorial team/contact information, peer-review process, author's copyright, finance and author's fee, allegations of research misconduct (plagiarism, citation, manipulation, data falsification/fabrication and other), publication ethics, access to content of journal, archiving, revenue sources, advertising and direct marketing.*

Keywords and phrases: *research integrity, transparency in science, publication ethic, international law.*

В настоящее время наблюдается активизация мер по недопущению к публикациям в научных журналах, как российских, так и зарубежных, статей, являющихся необъективными, в которых имеются фальсификация, плагиат, фабрикация данных и другие явления, связанные с недобросовестностью авторов и их ненаучным подходом. В российских журналах пока борются с последствиями такого антинаучного подхода некоторых авторов. В связи с этой проблемой началось применение ретракции – меры по удалению статей из журналов и из базы Российского индекса научного цитирования. Так, в июле 2019 года Комитетом Российской академии наук по противодействию фальсификации в научных журналах было инициировано удаление (исключение) 2528 статей из 541 академических журналов, в которых были обнаружены недобросовестные заимствования (в том числе и плагиат), самодублирование, «неясное авторство» [1]. А. А. Ростовцев (2017) указывает, что масштабные некорректные заимствования (плагиат) встречаются в 38 % от проанализированных выявленных некорректных публикаций в российских журналах [2]. В зарубежных журналах предпринимаются мероприятия по недопущению некорректных публикаций. В английском языке ряд таких мер называется «Research Integrity» и

«Principles of Transparency», что дословно можно перевести, как «научно-исследовательская объективность» и «принципы прозрачности». Данные меры направлены на подготовку и публикацию объективных научных статей.

Примером такой положительной публикационной политики является целый ряд научных журналов, которые в своей деятельности придерживаются этических принципов, закрепленных в ряде документов общественных международных научных организаций, таких как Комитет по публикационной этике (COPE – Committee on Publication Ethics), Директорат журналов открытого доступа (DOAJ – Directory of Open Access Journals), Ассоциация научных издателей открытого доступа (OASPA – Open Access Scholarly Publishers Association) и Всемирная ассоциация медицинских редакторов (WAME – World Association of Medical Editors). Членство журналов в этих организациях предполагает следование и выполнение редакционными советами журналов определенных правил для повышения уровня качества научных публикаций, недопущения в них необъективности в виде различных нарушений. Организациями установлены правила, называемые «Принципы прозрачности и наилучшей практики для научных публикаций» [3]. Изложенные принципы формируют нормативный ба-

зис критериев, которых должны придерживаться научные журналы, являющиеся членами таких организаций. Причем единого нормативного документа, объединяющего правила, не имеется. Каждая организация выработала свои критерии и принципы, однако требования к деятельности журналов в целом совпадают.

В Интернете имеются различные варианты переводов данного документа («Принципы прозрачности и наилучшей практики для научных публикаций») на ряд языков, в том числе и на русский, однако в данной научной статье применен собственный оригинальный авторский перевод. На основе анализа представленных правил в предлагаемой читателям статье приводятся основные принципы и требования, которые будут интересны и полезны, тем авторам, кто планирует публиковать свои научные труды в зарубежных журналах, а также издателям российских журналов для анализа имеющегося опыта. Перечислим основные требования, изложенные в документе, предъявляемые к журналам.

Веб-сайт (Website) журнала. Содержание веб-сайта журнала должно демонстрировать гарантии высокого этического и профессионального стандарта в публикационной активности. Веб-сайт журнала должен содержать: цель и основные направления деятельности журнала; критерии, по которым рассматриваются представленные авторами статьи для публикаций; наличие ISSN (уникальный международный стандартный серийный номер) отдельно для печатных и электронных версий журнала.

Особо подчеркивается, что название журнала (Name of Journal) должно быть уникальным и оригинальным, таким, чтобы его невозможно было спутать с названием других журналов.

Информация на сайте журнала не должна вводить в заблуждение читателей или авторов, в том числе в виде подражания сайту другого журнала (или сайту издательства). Должна быть предоставлена

информация о происхождении журнала, его учредителях и ассоциации с научными обществами или другими журналами.

Предписана обязательность представления информации о процессе рецензирования (Peer review process). В информации о журнале должно быть четко обозначено – рецензируемый он («peer-reviewed») или нет. Рецензирование определяется как достижение (получение) совета по индивидуальным статьям от рецензентов – экспертов в областях наук (специальностей) из тех людей, кто не входит в состав редакционной коллегии.

Сайт журнала должен четко описать процесс и процедуры рецензирования, включая применяемые методы рецензирования. Не должно быть информации на сайте журнала о гарантированном приеме статьи к опубликованию или очень короткого времени для рецензирования.

Владельцы и сотрудники журнала (Ownership and management). Информация о собственниках и (или работниках журнала) должна быть ясно отражена на сайте журнала, чтобы не вводить в заблуждение потенциальных авторов об истинных владельцах журнала и редакторах. Журналы должны иметь редакционные советы или другие руководящие органы, члены которых признаются экспертами в предметных областях, включенных в тематику журнала. Сайт журнала должен показывать полные имена аффилированных участников редакционных коллегий (совета) или других руководящих органов (Governing body).

Журналы представляют полные имена редакторов журнала, а также контактную информацию редакционного офиса, включая полный почтовый адрес (Editorial team/contact information).

Авторское право и лицензия (Copyright and licensing). Политика об авторских правах должна быть ясно обоснована в инструкциях для авторов и названы держатели авторских прав для всех опубликованных статей. Веб-сайт

журнала должен показать информацию о лицензировании и ясно описать ее в инструкции для авторов. Лицензированные разрешенные сроки будут показаны во всех опубликованных статьях в форматах как HTML, так и PDF.

Если авторам позволяет опубликовать материалы под лицензией (Creative Commons license, переводится как «творческая общая лицензия») тогда некоторые специфические требования должны также указываться (Лицензия «Creative Commons» используется для сохранения собственного авторского права и, при этом, позволяет другим людям использовать это произведение при условии, что они указывают авторство, а также соблюдают другие условия, которые автор определяет в выбранной им лицензии).

Авторские финансовые взносы (Author fees). Денежные взносы, требуемые для процесса публикации материала в журнале, должны быть указаны и четко обоснованы (для каких целей они используются в процессе опубликования статьи), причем эта информация должна быть размещена в таком месте, чтобы потенциальные авторы могли легко ее найти, прежде чем направить свои статьи для рассмотрения в редакцию журнала. Если денежные взносы не требуются, то это также должно быть указано в информации для авторов в обязательном порядке.

Информация о нарушениях при подготовке и написании статьи авторами (Allegations of research misconduct). Издатели и редакторы научных медицинских журналов должны предпринимать меры по недопущению публикации научных статей, в которых имеются нарушения, в том числе и получая информацию в виде заявлений и утверждений от других лиц об имеющихся нарушениях в рассматриваемых к публикации научных статьях. Это относится к таким нарушениям, как плагиат, недобросовестное цитирование, манипуляции и фальсификации (фабрикации данных). Однако этим не ограничиваются случаи, которые относятся к

нарушениям. Если подобного рода нарушения выявлены уже в опубликованной журналом статье, то издатели и редакторы должны следовать руководству COPE или эквиваленту подобного документа.

Публикационная этика (Publication ethics). Журнал должен иметь ясную политику в этичности публикаций, что должно быть хорошо видно на веб-сайте, где необходимо включать освещение следующих положений:

- журнальная политика авторства и соавторства (ассистенства) и денежных взносов (оплаты);
- каким образом журнал будет рассматривать (разбирать, осуществлять контроль) жалоб и просьб (обращений);
- политика журнала в конфликтах интереса / интересов конкуренции;
- журнальная политика распространения опубликованных статей (результатов исследований приведенных в статьях) и их воспроизводимости;
- журнальная политика в этическом надзоре;
- журнальная политика в интеллектуальной собственности;
- журнальной политики для пост-публикационных дискуссий и исправлений;
- расписание (план), график (программа) публикаций выпусков журналов;
- четкое обозначение периодичности, с которой журнал публикуется.

Доступ к содержаниям журналов (Access). Должен быть представлен доступ как к целому содержанию номеров журналов, так и отдельным статьям, а также информации о форме подписки (платной или бесплатной) на получение разрешения для ознакомления с выпусками журналов или отдельных статей.

Архивация журналов (Archiving). В случаях, когда журнал больше не издается, то содержание (план) журнала или его полной версии для электронного резервирования и сохранения допуска к журнальным статьям должно быть четко обозначено (для примера, допуск к ос-

новным статьям через «CLOCKSS» или «PubMedCentral»).

Источники доходов для деятельности журнала (Revenue sources). Бизнес-модели или источники доходов должны быть четко обозначены на веб-сайте журнала. К ним относятся: авторский взнос, подписка, другие источники финансовой поддержки (гранты, финансирование через фонды (организации, университеты и т. д.), реклама, продажа и реализация изданных журналов за деньги, причем наличие сделанного взноса автором (авторами) за публикацию статьи (или освобожденный статус автора) не должно влиять на решение редакционной коллегии публиковать или не публиковать статью.

Реклама (Advertising). Журналы должны обосновать свою рекламную политику, что включает разъясняющую информацию:

- какие типы рекламы будут рассмотрены;
- кто принимает решение относительно приема рекламы (ответственное лицо (лица);
- особенности содержания рекламы;
- наличие желания читателя смотреть рекламу на сайте журнала или вне зависимости от его желания.

Должны быть раскрыты особенности показа рекламы по желанию рекламодателя, размещающего рекламу в журнале, при этом реклама не должна относиться никаким образом к решению редакционной коллегии о публикации научных статей в журнале и демонстрироваться отдельно от содержания научной статьи.

Информация, представленная об издателе журнала, должна быть правдивой и не вводить в заблуждение читателей или авторов.

Если другие члены организации, в которой состоит журнал, обнаруживают нарушения практики установленных правил или другие специфические требования организации OASPA/COPE/

WAME, то в обязательном порядке проводится разбирательство произошедших нарушений (или информации о них). В случае если редакция журнала как член организации не имеет возможности либо желания исправлять нарушения и вести редакционно-издательскую деятельность в соответствии с установленными организацией правилами, то их членство в организации может быть приостановлено (временно прекращено) или прекращено полностью.

Внедрение в деятельность российских журналов данных правил может столкнуться с трудностями и проблемами. Следует заметить, что в России отсутствуют подобные опубликованные и принятые к действию правила, что дает почву для разногласий и конфликтов. Так, если опираться на вышеописанные международные рекомендации, то на сайте журнала достаточно описать порядок и условия рецензирования, что будет достаточной процедурой. Российский журнал «Вестник Ульяновской государственной сельскохозяйственной академии» указал в порядке и условиях рецензирования, что применяется «избирательное рецензирование» и статьи академиков и членов-корреспондентов Российской академии наук, а также членов редколлегии журнала не рецензируются. Комиссия Российской академии наук по противодействию фальсификации в научных журналах в октябре 2019 года признало грубое нарушение публикационной этики. То есть, выполнение международных стандартов не защитило от отрицательного мнения членов Комиссии [4].

Таким образом, международными организациями, объединяющими научные журналы, выработаны рекомендательные правила и принципы, позволяющие создавать условия для объективности и прозрачности публикуемых статей и соответствовать высоким стандартам научной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сообщение Комиссии РАН по противодействию фальсификации научных исследований о результатах слушаний 1 октября 2019 г. URL: <https://kpfran.ru/2020/01/06/soobshhenie-komissii-o-rezultatah-slushaniy-1-oktyabrya-2019-g> (дата обращения: 07.09.2020).
2. Ростовцев А. А. Российская и международная практика выявления недобросовестных журналов и авторов // Научный редактор и издатель. 2017. Т. 2. № 1. С. 30–37.
3. Principles of Transparency and Best Practice in Scholarly Publishing. URL: <https://publicationethics.org/resources/guidelines-new/principles-transparency-and-best-practice-scholarly-publishing> DOI: <https://doi.org/10.24318/core.2019.1.12> (дата обращения: 07.09.2020).
4. Сообщение Комиссии «О недопустимости внесения изменения в журнальные статьи вне процедуры errata et corrigenda». URL: <https://kpfran.ru/category/dokumenty> (дата обращения: 07.09.2020).

© Исхаков Э. Р.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЙ БЛОК

УДК 343.852:343:851.5(470)

А. Р. ИСМАГИЛОВА, преподаватель
кафедры административно-правовых
дисциплин Уфимского юридического
института МВД России (г. Уфа)

A. R. ISMAGILOVA, Lecturer of the Chair
of Administrative Law Disciplines of Ufa Law
Institute of the Ministry of Internal Affairs of
Russia (Ufa)

**ЦЕНТР ВРЕМЕННОГО СОДЕРЖАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
КАК ОСОБЫЙ СУБЪЕКТ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ,
СОВЕРШАЕМЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ**

**TEMPORARY DETENTION CENTER FOR MINORS AS A SPECIAL SUBJECT
OF PREVENTION OF OFFENSES COMMITTED BY MINORS**

Аннотация. В статье рассматривается деятельность центров временного содержания несовершеннолетних правонарушителей по профилактике правонарушений, совершаемых несовершеннолетними. Раскрыты особенности помещения и содержания несовершеннолетних в центрах временного содержания несовершеннолетних правонарушителей. Обозначены исторические этапы развития центров временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей.

Ключевые слова и словосочетания: центр временного содержания несовершеннолетних правонарушителей, предупреждение, профилактика.

Annotation. The article deals with the activity of the temporary detention centers for juvenile offenders for the prevention of offenses committed by minors. The features of the placement and detention of minors in a temporary detention center for juvenile offenders are outlined.

Keywords and phrases: temporary detention center for juvenile offenders, warning, prevention.

Несомненно, профилактическая работа, осуществляемая органами внутренних дел в целях предупреждения преступлений и правонарушений, должна проводиться надлежащим образом. И именно планомерная и эффективная деятельность компетентных органов по работе с несовершеннолетними позволит снизить показатель рецидивной преступности и поспособствует развитию должного уровня правосознания у подрастающего поколения. В этой связи немаловажной является необходимость в изучении основ деятельности субъектов, осуществляющих профилактику и предупреждение правонарушений, совершаемых, в первую очередь, несовершеннолетними. Одним из главенствующих субъектов в данной области, помимо подразделений по делам несовершеннолетних, является центр временного содержания несовершеннолетних правонарушителей.

Федеральным законом № 120-ФЗ от 24.06.1999 «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» устанавливается, что органы внутренних дел, структурным подразделением которого представлен центр временного содержания несовершеннолетних правонарушителей (далее – ЦВСНП), является главным субъектом осуществления профилактической деятельности в отношении несовершеннолетних [1].

Анализируя деятельность ЦВСНП, необходимо определить, в отношении кого проводятся профилактические действия сотрудниками данных подразделений. В действующем законодательстве можно встретить разные признаки, характеризующие «несовершеннолетнего». Если в ч. 1 ст. 87 Уголовного кодекса Российской Федерации к несовершеннолетним относятся лица, достигшие 14-летнего возраста, но не достигшие 18-летнего возраста [2], то в ч. 1 ст. 54 Семейного кодекса Российской Федерации упоминается только слово «ребенок», а

именно «ребенком признается лицо, не достигшее возраста восемнадцати лет» [3]. В свою очередь, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях такого понятия не содержит вовсе, при этом упоминая лишь в ст. 2.3, что к административной ответственности привлекаются несовершеннолетние в возрасте от 16 лет [4]. Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что к несовершеннолетним относятся лица, достигшие 14-летнего возраста, но не достигшие возраста 18-ти лет.

Одной из наиболее действенных мер профилактического характера, реализуемых в целях предупреждения совершения новых правонарушений несовершеннолетними, принято считать их помещение в ЦВСНП.

Рассматривая исторический этап развития данных подразделений, отметим, что впервые центры временного содержания несовершеннолетних правонарушителей появились в 20-х годах XX века. Изначально это было место, куда направляли всех беспризорных детей, будь это трехлетние дети, заблудившиеся на улице, или подростки, ушедшие из дома или интерната. Однако чаще всего привозили именно тех подростков, которые были выходцами из неблагополучных семей. Прежнее название центра временного содержания несовершеннолетних правонарушителей – центр временной изоляции для несовершеннолетних правонарушителей (далее – ЦВИН). Ежегодно в ЦВИН доставлялось более 6000 человек. Принятый в 1999 году Федеральный закон № 120 «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» изменил наименование рассматриваемых подразделений, основания и категории несовершеннолетних, помещаемых в ЦВИН.

Действующим законодательством на ЦВСНП возложены следующие функции: круглосуточный прием и временное содержание несовершеннолетних правонарушителей в целях защиты их жизни,

здоровья и предупреждения совершения повторных правонарушений; индивидуальная профилактическая работа с доставленными несовершеннолетними, выявление среди доставленных лиц, причастных к совершению преступлений и правонарушений, а также установление обстоятельств, причин и условий, способствовавших совершению правонарушений и преступлений, информирование об этом соответствующие органы внутренних дел и других заинтересованных органов и учреждений; доставление несовершеннолетних в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа, а также осуществление в пределах своей компетенции других мер по устройству несовершеннолетних, содержащихся в указанных учреждениях.

В ЦВСНП могут быть помещены лица, направляемые по приговору суда или по постановлению судьи в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа; временно ожидающие рассмотрения судом вопроса о помещении их в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа; самовольно ушедшие из специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа; совершившие общественно опасное деяние до достижения возраста наступления уголовной ответственности за это деяние, в случаях, если необходимо обеспечить защиту жизни или здоровья несовершеннолетних или предупредить совершение ими повторного общественно опасного деяния, а также в случаях, если их личность не установлена, либо если они не имеют места жительства, места пребывания или не проживают на территории субъекта Российской Федерации, где ими было совершено общественно опасное деяние, либо если они проживают на территории субъекта Российской Федерации, где ими было совершено общественно опасное деяние, однако вследствие удаленности места их проживания не могут быть пе-

реданы родителям или иным законным представителям и др.

Исходя из вышеизложенного, следует, что основанием, по которому подростки-правонарушители могут быть помещены в ЦВСНП, является приговор суда или постановление судьи. Однако в некоторых случаях, предусмотренных законодательством, в частности, если несовершеннолетний совершил правонарушение, влекущее административную ответственность в случаях, если его личность не установлена, либо если не имеет места жительства, места пребывания или не проживает на территории субъекта Российской Федерации, где им было совершено правонарушение, либо если он проживает на территории субъекта Российской Федерации, где им было совершено правонарушение, однако вследствие удаленности места проживания, не может быть передан родителям или иным законным представителям, то доставляется в ЦВСНП на основании постановления руководителя органов внутренних дел (на срок до 48 часов). В данном случае, необходимо иметь виду тот факт, что несовершеннолетние, как правило, доставляются в отдел полиции в вечернее или ночное время суток. А при самовольном уходе несовершеннолетнего из дома или учебно-воспитательного учреждения, их отсутствие обнаруживается только к вечеру. Однако, следует учитывать, что в срок до 24 часов до окончания срока содержания несовершеннолетнего в ЦВСНП, начальник территориального отдела органа внутренних дел должен направить в суд постановление, послужившее основанием для помещения несовершеннолетнего в ЦВСНП, а также решить вопрос о возможности освобождения или продления срока содержания. Все направляемые материалы должны содержать следующую необходимую информацию: достаточные данные, подтверждающие совершение общественно опасного деяния несовершеннолетним, не достигшим возраста наступления уго-

ловной ответственности за эти деяния, или же правонарушения, влекущего административную ответственность, либо факт самовольного ухода из специального учебно-воспитательного учреждения закрытого типа; указание на цели и мотивы помещения несовершеннолетнего в ЦВСНП; данные, свидетельствующие о необходимости обеспечения защиты жизни или сохранения здоровья несовершеннолетнего либо предупреждения совершения им повторного общественно опасного деяния. При рассмотрении материалов по вопросу помещения несовершеннолетнего в ЦВСНП также имеет право участвовать как сам несовершеннолетний правонарушитель, так и его законный представитель, адвокат, прокурор.

Вместе с тем нельзя не отметить, что практика помещения в ЦВСНП несовершеннолетних, совершивших правонарушение, свидетельствует о том, что судьи в исключительных случаях продлевают срок пребывания несовершеннолетнего, ссылаясь на тот факт, что правонарушение было совершено лицом впервые. Поэтому, за тот короткий период времени (менее 48 часов) провести все профилактические мероприятия, запланированные сотрудниками ЦВСНП, не представляется возможным.

Как ранее было отмечено, помещение несовершеннолетних в ЦВСНП осуществляется круглосуточно. Перед помещением несовершеннолетнего, сотрудники ЦВСНП проводят в отношении несовершеннолетнего личный осмотр (при этом осматривающие лица должны быть одного пола с несовершеннолетним), в ходе которого подлежат изъятию ценные вещи, предметы, запрещенные к хранению. По факту проведенного процессуального мероприятия составляется акт личного осмотра. После этого несовершеннолетний проходит медицинский осмотр для установления наличия или отсутствия телесных травм, а также его санитарного состояния. Далее несовер-

шеннолетнего определяют в комнату, в которой он будет находиться до освобождения из ЦВСНП. Распределение происходит с учетом возрастного и полового признаков несовершеннолетних. В комнатах, как правило, содержатся до 20 человек. Наблюдение за несовершеннолетними происходит круглосуточно, им запрещено выходить за пределы территории центра. Прогулки осуществляются на территории ЦВСНП под строгим наблюдением и контролем сотрудников данных подразделений. В центре временного содержания несовершеннолетних последние имеют право на встречи с родителями или законными представителями, родственниками, имеют право получать передачи и посылки, но все описанные действия подлежат контролю со стороны сотрудников центра. За нарушение установленного порядка нахождения в ЦВСНП в отношении несовершеннолетних могут быть применены такие дополнительные меры взыскания, как предупреждение, выговор, строгий выговор.

При поступлении несовершеннолетнего в ЦВСНП начальник ЦВСНП незамедлительно, но не позднее чем через 24 часа, уведомляет прокурора о помещении в ЦВСНП несовершеннолетнего.

Законодательством также установлен срок, в течение которого несовершеннолетние могут находиться в ЦВСНП, который составляет 30 суток. Однако в исключительных случаях на основании постановления судьи срок может быть продлен еще до 15 суток.

Анализируя деятельность ЦВСНП как особого субъекта профилактики правонарушений, совершаемых несовершеннолетними, представляется необходимым рассмотреть суть и содержание профилактической работы сотрудников данных подразделений. Во-первых, первоочередной профилактической мерой, применяемой сотрудниками ЦВСНП, является проведение ежедневных профилактических бесед, что способствует

развитию положительных качеств несовершеннолетних, привитию нравственных ценностей, положительных знаний, любви к окружающим, во-вторых, проведение разъяснительных бесед о правовых последствиях совершения правонарушения, о недопустимости совершения правонарушений и преступлений в дальнейшем. Вместе с тем в ходе беседы выясняются причины совершения правонарушения, причины самовольного ухода из дома, личностные особенности несовершеннолетнего.

Все перечисленные формы профилактики должны иметь исправительный характер, основываться на конституционных правах несовершеннолетних, на индивидуальном подходе к несовершеннолетнему с учётом совершенного деяния, его психологических характеристик и особенностей. Данные беседы должны быть периодическими, а их результаты должны фиксироваться в личном деле несовершеннолетнего.

Следует отметить, что центр временного содержания несовершеннолетних правонарушителей является не только местом, где отбывают наказание несовершеннолетние, но и местом, где проводят широкий комплекс профилактических работ в отношении несовершеннолетних. Бесспорно, профилактическая работа в отношении несовершеннолетних преследует цель полного предотвращения всех причин, условий и факторов, способствующих отклонению в развитии и существованию поведения, которое в обществе неприемлемо. Соответственно предупреждение правонарушений не должно сводиться только к борьбе с результатом отклонений в поведении. Подросток должен понимать, что в криминальное сообщество можно быстро войти, имея антиобщественные установки и совершая противоправные деяния, однако очень сложно вернуться потом в нормальную жизнь, в окружение своих друзей, близких и родных. В целом, гово-

ря о криминализации поведения, следует отметить, что у человека утрачиваются нормы морали, нравственности, духовные качества, что ведет к отрицательным последствиям в работе, учебе, в достижении успехов в дальнейшем в определенной области. В этом ключе особо важна высокая квалификация сотрудников ЦВСНП, поскольку необходим подход к каждому подростку, точность и слаженность в работе, индивидуальность в общении как с самим несовершеннолетним, так и с его родителями.

Немаловажным является вопрос взаимодействия между подразделениями с пониманием того, что каждым отделом выполняется общая работа: как сотрудниками подразделений по делам несовершеннолетних, так и другими сотрудниками ОВД. Остро встает вопрос в совокупности задач и целей, стоящих перед всеми участниками, уделяется внимание выявлению условий преступности с принятием точных мер для правильного поведения в социуме. Необходимо вникнуть в каждое совершенное противоправное деяние с использованием своих практических навыков и в дальнейшем учитывать при разработке планов и мер по предупреждению правонарушений, результатом которых должны стать помощь в исправлении, становлении подростка на верный жизненный путь. Нынешние сводки результатов проделанной работы показывают слабое взаимодействие между подразделениями ОВД в выявлении, например, неблагополучных семей, вследствие чего данный вопрос имеет латентный характер, оставляя подразделения ЦВСНП без необходимой информации о подростках, являющихся правонарушителями, об асоциальных молодежных группах, а также родителях, которые утратили или не имели чувства долга и ответственности за воспитание, поведение своих детей, либо вовсе способствовали совершению ими преступлений. Каждое подразделение органов

внутренних дел должно взять за основу всегда и вовремя докладывать в письменном виде о любой поступившей информации, о каждом нарушении каких-либо прав ребенка, об информации, поступившей от свидетелей, которыми могут быть и дети, ставшие потерпевшими либо вовлеченными в преступление. Практика, конечно же, показывает, что зачастую у детей в настоящее время очень бурно развита фантазия, ребенок зачастую преувеличивает произошедшие с ним события, но проверки по каждому «сигналу» строго необходимы.

Асоциальное поведение у подростка имеет протяженный период, занимающий определенное время, в связи с чем нужно обратиться к ранней профилактике правонарушений, уделяя ей особое внимание. К ранней профилактике можно отнести предупреждение, предотвращение, любой «сигнал», являющийся заблаговременным, дабы искоренить факторы, которые тянут личность вниз, замедляя формирование и нарушая становление человека, устраняя весь негатив и непосредственно влияние круга лиц, родителей, сверстников, не исключая возмещение последствий. За пример можно взять любую семью, ненадлежащим образом воспитывающую ребенка, проявляющую жестокость, отрицательное влияние, не дающую должного воспитания, помощи в быту, трудоустройстве, досуге ребенка в различных видах самозанятости [5, с. 83]. Непосредственно возникает острая необходимость в проведении качественных профилактических бесед со взрослыми, акты проверок условий проживания, в ином случае подросткам оказывается социальная помощь в виде устройств их в разного рода образовательные учреждения. В настоящее время несовершеннолетние зачастую являются не только субъектами преступных деяний, но и объектами.

Преимущественными направлениями деятельности органов внутренних

дел в области профилактики детской безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних являются: профилактика семейных и детских правонарушений, профилактика дестабилизирующих проявлений у учащихся, предотвращение повторного совершения противоправных деяний несовершеннолетними, полная ликвидация деятельности взрослых по вовлечению в преступления подростков, использование новых форм опекунов в сфере предотвращения неправомерного лишения родительских прав несовершеннолетних учреждениями различного профиля. В данном случае сотрудниками ЦВСНП и других подразделений органов внутренних дел должен проводиться систематический анализ состояния деятельности преступных групп и сообществ с целью определения непосредственного круга лиц и сверстников, в среду которых попадает подросток.

Исключительно важным направлением в профилактике правонарушений несовершеннолетних является, конечно же, поиск «вожака» преступных молодежных групп и сообществ. Это выясняется при проведении как групповых, так и индивидуальных бесед.

Необходимо осуществлять мониторинг именно тех подростков, которые не посещают занятия и школу, не трудоустроены, проводить анализ уровня преступности, совершаемых данными подростками, так как большая часть преступлений совершается ими. Целесообразно проводить анализ мер и их совокупности, которые способствуют предотвращению отклонений у детей, положительно влияют на их развитие в социуме, обеспечивают нужное воспитание и достойное обучение. Основной упор нужно делать на определенные научные апробированные на практике подходы, нормативно-правовую базу, так как это и есть основа системы предупреждения и профилактики в деятельности органов внутренних дел [6, с. 8].

ЛИТЕРАТУРА

1. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1999. № 26. Ст. 3177.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (принят Государственной Думой 24 мая 2006 г.; одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 06.02.2020) (принят Государственной Думой 8 декабря 1995 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (принят Государственной Думой 20 декабря 2001 г.; одобрен Советом Федерации 26 декабря 2001 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Мещерякова Е. И. Особенности применения методов и средств воспитания при индивидуальной работе с несовершеннолетними сотрудниками подразделений по делам несовершеннолетних // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. № 2. С. 82–87.
6. Деятельность подразделений по делам несовершеннолетних: учебное пособие / В. В. Кардашевский, А. А. Морукова, С. В. Калинина, О. М. Дорошенко, Е. Ю. Родионова. М.: Московский университет МВД России имени В. Я Кикотя, 2017. 215 с.

© Исмагилова А. Р.

УДК 340.114.5:351.74.078(470)

Н. М. УСМАНОВ, доцент кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (г. Уфа)

N. M. USMANOV, Assistant Professor of the Chair of Constitutional Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law (Ufa)

РОЛЬ ПРАВОСОЗНАНИЯ В ОЦЕНКЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ

THE ROLE OF THE LEGAL AWARENESS IN EVALUATING POLICE PERFORMANCE

Аннотация. В статье рассматривается значение аксиологических компонентов правосознания в формировании позитивного образа полиции. Уделено внимание взаимосвязи дефектов правосознания с негативным отношением населения к деятельности правоохранительных органов. Дана критическая оценка сложившейся в юридической науке традиции определять правовой нигилизм как глубинную имманентную характеристику российского общества. Обосновывается необходимость активизации участия органов внутренних дел в правовом воспитании.

Ключевые слова и словосочетания: оценка полиции, правосознание, ценность права, правовой нигилизм, правовое воспитание.

Annotation. *The article examines the importance of the axiological components of legal awareness in the formation of a positive image of the police. Attention is paid to the relationship between legal awareness defects and the negative attitude of the population to the activities of law enforcement agencies. The article gives a critical assessment of the tradition in legal science to define legal nihilism as a deep immanent characteristic of Russian society. It substantiates the need to activate the participation of internal affairs agencies in legal education.*

Keywords and phrases: *police assessment, legal awareness, value of law, legal nihilism, legal education.*

В условиях правовой модернизации современного российского государства, поступательного развития элементов гражданского общества и противодействия коррупции актуальной задачей является формирование позитивного образа сотрудников полиции в общественном сознании.

Профессиональная деятельность полиции преимущественно носит открытый характер и всегда находится под пристальным вниманием общества. Статья 9 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» закрепила общественное мнение о деятельности полиции в качестве одного из основных критериев оценки эффективности её работы [1]. Об особой актуальности вопросов, связанных с формированием положительного образа современного сотрудника полиции, свидетельствуют и многочисленные специальные исследования, проводимые в научно-исследовательских учреждениях и образовательных организациях МВД России. Регулярно проводятся массовые опросы граждан (как по заказу МВД России, так и самостоятельно) организациями, специализирующимся на их проведении.

Отношение общества к органам внутренних дел зависит от ряда объективных и субъективных факторов. Субъективное восприятие населением полиции обусловливается, в первую очередь, информационным воздействием на общество. На разных исторических этапах развития российского общества характер этого воздействия изменяется вместе с трансформацией политико-правовых институтов. Так, в цензурной информационной

политике советского государства формированию положительного образа сотрудников правоохранительных органов отводилась значительная роль. Например, Т. Г. Лясевич и А. Е. Князева отмечают, что «советские периодические издания массово публиковали статьи и заметки из жизни «хороших милиционеров», киностудии и каналы радиовещания посвящали тематические кинофильмы и радиопередачи подвигам сотрудников милиции и их беззаветному служению Родине» [2, с. 211].

С «развалом» Советского Союза изменилась и сформировавшаяся система ценностей. Наступил глубокий политико-экономический кризис, произошло катастрофическое снижение уровня жизни населения, появились сепаратистские тенденции. Роль государства и права в общественной жизни была дискредитирована, образ сотрудника органов внутренних дел в общественном сознании стал ассоциироваться порой с произволом, коррупцией и насилием. К сожалению, такой образ сотрудников правоохранительных органов всячески закреплялся в общественном сознании, последовательно насаждаясь в средствах массовой информации, литературе и кинематографе. Нижний предел падения был достигнут в 1998 году, когда государство фактически обанкротилось.

Ситуация изменилась в мае 2000 года – новый глава государства выступил с телевизионным обращением к гражданам России, в котором прозвучал тезис о необходимости установления властной вертикали. Только после этого вновь началось движение вверх. Страна

претерпела масштабные изменения, был осуществлен мощный рывок в экономике, вырос уровень благосостояния россиян и, что особенно важно, повысился уровень самоуважения граждан, уважения к своему государству.

Возращение всестороннего доверия населения к сотрудникам органов внутренних дел, формирование позитивного восприятия их деятельности в общественном сознании стало одним из главных направлений полицейской реформы 2011 года. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения за десять последних лет индекс общественной оценки работы полиции вырос с 41 до 54 пунктов [3]. Результаты таких опросов населения являются не только оценкой деятельности полицейских по противодействию преступности, но и отражают уровень доверия населения ко всей правоохранительной системе и к власти в целом. За годы реформы было сделано немало, но образ полицейского в массовом сознании пока не в полной мере избавился от своего стереотипизированного негативного наследия.

С развитием информационных технологий, повсеместным распространением персональных устройств аудио-, видеофиксации информации работа полиции мгновенно становится достоянием общественности, при этом освещение деятельности полицейских производится не только средствами массовой информации, но и населением. Осуществляется любительская съёмка, записи размещаются в сети Интернет, что способствует открытости полицейской работы для граждан. С другой стороны, такие съёмки могут неадекватно или намеренно искаженно представлять действия полицейских. Часто ракурс и контекст съёмки выстраиваются таким образом, что не охватывают всё событие законных профессиональных действий сотрудников полиции целиком, выбираются лишь его наиболее резонансные фрагменты. Например, показывается только применение

физической силы или специальных средств к гражданину, который отказывается добровольно выполнять законные требования сотрудников полиции, сами законные требования полицейских остаются при этом за кадром. Таким подходом в своей деятельности нередко грешат и профессиональные журналисты. В то же время, средствами массовой информации широко освещаются сообщения об успехах органов внутренних дел в раскрытии резонансных преступлений, задержании опасных преступников, предотвращении готовящихся правонарушений, благотворительной деятельности МВД России, осуществляется объективная критика деятельности правоохранительных структур, пристальное внимание уделяется недостаткам.

Работа средств массовой информации формирует базовую составляющую общественного мнения о деятельности полиции. Тенденциозное избирательное освещение работы органов внутренних дел, а также иные недостатки журналистской деятельности способствуют, как отмечают некоторые исследователи, увеличению субъективности оценки деятельности полиции [4, с. 394] и оказывают деструктивное воздействие на формирование её позитивного образа в общественном сознании.

Объективные факторы, воздействующие на оценку обществом деятельности полиции, более стабильны, прогнозируемы и связаны с конкретными количественными и качественными показателями деятельности правоохранительных органов, а также профессионально-личностными качествами полицейских.

В конечном счете, образ полиции в глазах граждан определяется фактической эффективностью её деятельности по обеспечению безопасности граждан и государства. Однако в процессе формирования позитивного образа полиции в общественном сознании следует учитывать особенности разновидностей массового и индивидуального сознания, в том

числе и специфические черты правосознания как разновидности общественного сознания, его структуры.

Определяющую роль в формировании позитивного образа полицейского играют аксиологические элементы правосознания гражданина. Именно на основе ценностных представлений человека формируется его отношение к праву, определяется поведение в правовой сфере, при этом оценивается не только право, но и деятельность правоприменительных органов, должностных лиц, в частности, сотрудников полиции. Получив информацию о правоприменительной деятельности полицейских, граждане при её оценке руководствуются не текстом применяемых нормативных актов, а теми представлениями о них, которые сложились в их собственном сознании. Люди оценивают деятельность полиции, сопоставляя ее с собственной системой ценностей, состоящей из взаимообусловленных морально-нравственных и правовых элементов. Искажение такой системы ценностей называют деформацией правового сознания.

Наиболее деструктивным для целей формирования позитивного общественного мнения о полиции является негативно-отрицательное отношение к праву и к деятельности правоохранительных органов – правовой нигилизм.

Выделяют две формы правового нигилизма: правовая индифферентность и правовой негативизм. Первая форма предполагает полное отсутствие у индивида интереса к сфере права, нежелание знать и реализовывать свои права и обязанности. Значительная часть российского общества вообще не интересуется сферой права, в том числе и законодательством, регламентирующим работу полиции. Так, в Уфе был проведен социологический опрос горожан с целью проверки осведомленности об основных положениях Федерального закона «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ (далее – ФЗ «О полиции»). В результате

оказалось, что 46 % респондентов ничего не знает о законе, 25,3 % респондентов слышали о законе, но с его содержанием не знакомы, при этом общее представление о законе имеют 20,2 % респондентов и хорошо знают закон только 8,5 % горожан. Полученные данные позволили заключить, что лишь 28,7 % респондентов имеют какое-то представление о ФЗ «О полиции» [5, с. 9].

Правовой же негативизм состоит в деятельном неприятии социальной ценности права, нежелании воспринимать работу полиции как общественно необходимую деятельность. Субъект правового негативизма отрицает ценность права как универсального регулятора общественных отношений, считает, что в большинстве жизненных ситуаций можно обойтись вовсе без правового регулирования, опираясь на иные социальные нормы, можно разрешить любой конфликт без обращения в правоохранительные органы. Именно правосознание граждан, подверженных правовому нигилизму, составляет большинство той части общественного сознания, в которой формируется негативное отношение к деятельности полиции.

Предпосылки существования правового нигилизма сопровождают общество перманентно, изменяются вместе с ним и на каждом этапе общественного развития носят свой специфический характер. Необходимо отметить, что правовой нигилизм в той или иной степени присутствует в любом обществе и не является, как утверждают некоторые исследователи, характерной чертой именно российского общества, его культуры [6]. В отечественной науке вообще сложилась безосновательная самоуничижительная традиция определять правовой нигилизм как некую глубинную характеристику российского общества, обусловленную его историко-политическими и национально-культурными особенностями, менталитетом и совокупностью различных факторов специально-юридическо-

го характера. При этом совершенно игнорируется тот факт, что правосознание всегда исторически конкретно и соответствует каждому этапу развития общества и государства, идеи права воспринимаются каждым народом индивидуально и получают в его сознании совершенно специфическую окраску. Наиболее вероятно, что корни идей об изначальной ущербности российского правосознания имеют западное происхождение. В результате российское правосознание априори является отсталым, нигилистичным и противопоставляется «развитому» и «прогрессивному» западному. Как подчеркивает П. П. Марченя, «миф о «правовом нигилизме» как якобы устойчивой характеристике русского народа, его культуры и истории основан на нигилистичном отношении культурных агентов одной цивилизации к ценностям цивилизации другой [7]. Правосознание как разновидность общественного сознания формируется стихийно, но в результате соответствующего целенаправленного воздействия может корректироваться. Основным элементом такого целенаправленного воздействия является правовое воспитание – непрерывный, систематический и многоаспектный процесс воспитательной работы, направленный на формирование адекватного правового сознания и правовой культуры общества. Центральное место в этом процессе занимает выработка гражданского пра-

вового мышления, основанного на элементарных знаниях о праве, понимании основных особенностей национальной правовой системы и работы правоохранительных органов.

В свете вышеизложенного представляется, что наиболее перспективным направлением в формировании позитивного образа полиции в общественном сознании является активное участие органов внутренних дел в осуществлении различных форм правового воспитания общества. Такую работу необходимо проводить в тесном взаимодействии со средствами массовой информации, последовательно совершенствуя систему диалога органов внутренних дел с населением [8]. Эффективными и необходимыми средствами в этой сфере являются также правовая пропаганда и агитация. Они призваны гармонизировать взаимодействие с обществом в целях предупреждения и раскрытия противоправных деяний, способствовать стабилизации криминальной обстановки, улучшению качества жизни населения, детерминируя в конечном счете формирование доверия к полиции, положительной оценки её деятельности. Другими словами, для формирования в сознании общества позитивного образа полиции органы внутренних дел должны принимать активное участие в формировании аксиологической составляющей правосознания россиян.

ЛИТЕРАТУРА

1. О полиции: федеральный закон № 3-ФЗ (принят Государственной Думой 28 января 2011 г.; одобрен Советом Федерации 2 февраля 2011 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165 (дата обращения: 06.08.2020).
2. Лясович Т. Г., Князева А. Е. Имидж сотрудника полиции как социально-психологический феномен и особенности его формирования в современных условиях // Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения – 2019): материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 25 апреля 2019 г. / под ред. Ю. А. Шаранова, В. А. Шаповала; сост. И. Ю. Кобозев. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2019. С. 211. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37713780> (дата обращения: 06.08.2020).

3. Полиция и граждане: мониторинг общественных оценок // ВЦИОМ. 2019. Аналитический обзор № 4095. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9990> (дата обращения: 06.08.2020).
4. Шакалов И. И. Информационная эффективность органов внутренних дел Российской Федерации в 2008–2011 годах // Теория и практика общественного развития. Краснодар: Издательский дом ХОРС, 2012. № 2. С. 394–398.
5. Гайфуллин А. Ю. Обратная связь как инструмент определения социальной эффективности правоохранительной деятельности // Вестник ВЭГУ. 2015. № 2 (76). С. 5–13.
6. Костина К. А. Правовой нигилизм как черта российской правовой культуры // Вестник ТГУ. Тамбов: Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, 2012. Вып. 10 (114). С. 333–340.
7. Марченя П. П. Правовой нигилизм в России: мифы и реалии // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 2. С. 30.
8. Янбухтин Р. М., Игбаева Г. Р. Перспективные направления формирования позитивного образа полиции в общественном мнении // Евразийская адвокатура. Уфа: Евразийский научно-исследовательский институт проблем права, 2017. № 5 (30). С. 104–107.

© Усманов Н. М.

ЧАСТНО-ПРАВОВОЙ БЛОК

УДК 347.454.048:338.48(470)

Р. Р. ГАЛИМОВ, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (г. Уфа)

R. R. GALIMOV, Associate Professor of the Chair of Civil Law Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences (Ufa)

Р. Ю. УЛИМАЕВ, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (г. Уфа)

R. YU. ULIMAEV, Associate Professor of the Chair of Civil Law Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences (Ufa)

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАСТОРЖЕНИЯ ДОГОВОРА О РЕАЛИЗАЦИИ ТУРИСТСКОГО ПРОДУКТА

CURRENT ISSUES OF TERMINATION OF THE CONTRACT ON THE IMPLEMENTATION OF A TOURIST PRODUCT

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые актуальные вопросы расторжения договора о реализации туристского продукта. В судебной практике наблюдаются различные подходы при расторжении договора. Предлагается исключить, кроме Ростуризма, иные федеральные

органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления из числа субъектов, способных информировать туроператоров, турагентов, туристов об угрозе безопасности туристов (экскурсантов) в стране (месте) временного пребывания. Подвергнуты критике отдельные вопросы механизма расторжения договора в условиях пандемии коронавируса Covid-19 в части длительности сроков возврата туристу уплаченных им за туристский продукт денежных сумм и лицам, которые могут их получить, в результате чего указанные лица ущемляются в своих правах. Высказаны предложения, направленные на совершенствование вопроса расторжения договора о реализации туристского продукта.

Ключевые слова и словосочетания: договор о реализации туристского продукта, турист, туроператор, расторжение договора, пандемия коронавируса Covid-19, Ростуризм.

Annotation. The article deals with some topical issues of termination of the contract on the implementation of a tourist product. In judicial practice there are different approaches to the termination of the contract. It is proposed to exclude, in addition to Rosturizm, other Federal state authorities, state authorities of the subjects of the Russian Federation, local self-government bodies, from the list of subjects that can inform tour operators, travel agents, tourists about the threat to the safety of tourists (sightseers) in the country (place) of temporary stay. Criticized specific issues relating to the mechanism of termination of the contract in the context of pandemic coronavirus Covid-19 in terms of duration of the repayment period, the tourist paid sums of money for the tourism product and individuals who can have them, with the result, that these persons are infringed in their rights. Proposals aimed at improving the issues of termination of the contract on the implementation of a tourist product are made.

Keywords and phrases: agreement on the sale of a tourist product, tourist, tour operator, termination of the contract, Covid-19 coronavirus pandemic, Rostourism.

В последние годы неуклонно увеличивалось количество граждан Российской Федерации, реализующих свое конституционное право на отдых. Многие туристы отдыхали именно за рубежом в силу различных причин – развитость инфраструктуры, дешевизна, по сравнению с аналогичным уровнем сервиса в России, и т. д. Так, за 2018 год число выездных туристских поездок за рубеж граждан России составило 41 млн 964 тыс., в 2019 году – уже 45 млн 330 тыс. [1]. Однако пандемия коронавируса Covid-19 привела к резкому сокращению количества выездов. Этому способствовали и действия Правительства Российской Федерации, которое в целях обеспечения безопасности своих граждан, руководствуясь рекомендациями Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), приостановило авиасообщение Российской Федерации с другими странами. Выполнялись авиарейсы только по возвращению граждан Российской Федерации. Аналогично поступили и другие страны. Так, согласно информации Федерально-

го агентства по туризму (Ростуризм) действуют различные ограничения по въезду в 76 стран [2].

Правовое регулирование отношений из договора о реализации туристского продукта в нашей стране (далее – ДРТП) происходит на основе Конституции Российской Федерации, Гражданского кодекса Российской Федерации, Федерального закона от 24.11.1996 «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 132) [4], Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» от 07.02.1992 (далее – Закон № 2300-1) [5].

Как известно, субъектами правоотношений в сфере туризма являются турист, заказчик туристского продукта, с одной стороны, туроператор и турагент – с другой. Каждый из них обладает предоставленным ему законодательством Российской Федерации соответствующим объемом прав и обязанностей и использует их в соответствии со своими интересами. Не всегда гражданам удается полностью реализовать свое

право на отдых. В силу различных обстоятельств им приходится отказываться от отдыха или прерывать его. В этом случае актуальными становятся вопросы соблюдения и защиты прав и интересов сторон. Поскольку экономически слабой стороной в правоотношениях с туроператором является турист, поэтому на практике нередко случаи, когда вред в результате реализации ДРТП несут именно туристы. Не все туристы готовы идти в суд. Другие туристы не всегда знают в полном объеме принадлежащие им права. Этому способствуют постоянные изменения законодательства о туристской деятельности, имеющиеся коллизии с другими федеральными законами, а также пробелы законодательства РФ.

Законодательное определение термина «расторжение договора» российском гражданском законодательстве отсутствует, поэтому исходя из ст. 450 Гражданского кодекса РФ [3] (далее – ГК РФ) под расторжением договора следует понимать прекращение действия договора по требованию одной или обеих сторон, а также по решению суда. В настоящей статье будем использовать термин «расторжение договора» именно в этом понимании.

Согласно российскому законодательству одна из сторон вправе потребовать изменения или расторжения ДРТП в связи с существенным изменением обстоятельств, из которых они исходили при заключении договора (ч. 6 ст. 10 ФЗ № 132). В частности, отсутствие возможности совершения туристом поездки по независящим от него обстоятельствам (болезнь туриста, отказ в выдаче визы и т. д.). Сегодня расторжение ДРТП по этому основанию не является редкостью. Так, например, истец обратился к ответчику с уведомлением о расторжении договора в связи с существенным изменением обстоятельств – невозможностью совершения туристами поездки по независящим от них обстоятельствам – в частности, в связи с тяжелым заболева-

нием сына. Истец предложил добровольно вернуть уплаченные за турпродукт денежные средства за вычетом фактически понесенных расходов. Однако данные требования ответчиком не исполнены. Факт экстренной госпитализации сына истца в день запланированного вылета в Грецию его родителей подтвержден медицинскими документами [6].

Вместе с тем не всегда суды по указанному основанию удовлетворяют имущественные требования туристов. Нередко для этого есть соответствующие аргументы. К примеру, истец приобрел туристский продукт. До начала тура у него резко ухудшилось состояние здоровья. В этой связи истец обратился в скорую медицинскую помощь, после чего – к ответчику с мотивированным отказом от исполнения договора и взыскания денежных средств по ДРТП, неустойки, компенсации морального вреда, штрафа. Суд установил, что медицинские документы, представленные истцом, не содержат информации о наличии противопоказаний к полету, пребыванию в Турции, а лишь подтверждают диагноз и обращение истца за медицинской помощью. Не представлено стороной истца и доказательств последующего обращения за медицинской помощью. В удовлетворении требования было отказано [7]. На наш взгляд, суд поступил верно, не ограничившись лишь констатацией факта обращения истца за медицинской помощью.

Согласно закону договор может быть расторгнут по соглашению сторон, если иное не предусмотрено законом или договором (ст. 450 ГК РФ).

По требованию одной из сторон договор может быть изменен или расторгнут по решению суда только при существенном нарушении договора другой стороной или в иных случаях, предусмотренных ГК РФ, другими законами или договором. Например, в случае возникновения обстоятельств, свидетельствующих о возникновении в стране

временного пребывания туристов угрозы безопасности их жизни и здоровья, а равно опасности причинения вреда их имуществу, турист и (или) туроператор (турагент) вправе потребовать в судебном порядке расторжения ДРТП или его изменения (ч. 3 ст. 14 ФЗ № 132).

Эти обстоятельства могут подтверждаться решениями (рекомендациями) федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, принимаемыми в соответствии с федеральными законами. На наш взгляд, здесь возникает проблема. Дело в том, что государство возложило только на Ростуризм прямую обязанность по оказанию государственной услуги по информированию в установленном порядке туроператоров, турагентов и туристов об угрозе безопасности туристов в стране временного пребывания [8] по запросу заявителя. Кроме того, туристам удобнее получать информацию из одного федерального государственного органа, специально наделенного компетенцией выполнять государственные услуги и функции в области туризма.

В этой связи возложение законом, кроме Ростуризма, на иные органы государственной власти, органы местного самоуправления полномочий по подтверждению вышеуказанных обстоятельств, представляется излишним. Верховный суд Российской Федерации в своих обзорах и постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации также считает Ростуризм уполномоченным органом, сообщение которого о возникновении в стране временного пребывания у туриста угрозы безопасности его жизни и здоровью, опубликованное до начала его путешествия, является основанием для расторжения ДРТП продукта и возврата туристу уплаченной им по договору суммы [9].

Следует отметить, что Ростуризм справляется со своей задачей: регулярно на его сайте появляется информация

о появлении угроз для туристов из Российской Федерации в конкретной стране (странах).

Как известно, кроме международного туризма, имеется и внутренний туризм. В этой связи следует признать Ростуризм федеральным государственным органом, наделенным компетенцией по размещению информации о наличии угроз жизни и здоровью туристов в Российской Федерации.

Полагаем, что в этом случае подобная информация о наличии угроз жизни и здоровью должна будет размещена не только на сайте Ростуризма, но и на соответствующих сайтах министерств субъектов Российской Федерации, на чьих территориях имеются соответствующие угрозы, причем эти министерства субъектов должны быть наделены полномочиями в сфере туризма. Информация в рамках внутреннего туризма на сайте министерства субъекта Российской Федерации в сфере туризма должна быть продублирована на сайте Ростуризма.

Информация о наличии угрозы в какой-либо стране размещается на сайте Ростуризма: www.russiatourism.ru.

Вопрос о денежной сумме, подлежащей возврату туристу при расторжении ДРТП, законодателем решен следующим образом – это зависит от момента расторжения: до начала путешествия или после начала путешествия.

Согласно ст. 14 ФЗ № 132 туристу при расторжении до начала путешествия ДРТП в связи с наступлением обстоятельств, приведенных законодателем, возвращается денежная сумма, равная общей цене туристского продукта, а после начала путешествия – соответственно, ее часть в размере, пропорциональном стоимости не оказанных туристу услуг. Сравним данное положение с ч. 3 ст. 451 ГК РФ. Как видим, при расторжении договора вследствие существенно изменившихся обстоятельств суд по требованию любой из сторон определяет последствия расторжения договора, исходя из необхо-

димости справедливого распределения между сторонами расходов, понесенных ими в связи с исполнением этого договора. Полагаем, что это сделано в целях исключения судом фактов злоупотребления правом одной из сторон. Указанная формулировка обусловлена еще и тем, что приведенная ст. 451 ГК РФ имеет общий характер, в отличие от ФЗ № 132, имеющего более узкую сферу действия.

Как видим, в отличие от ГК РФ, турист по ФЗ № 132 может рассчитывать на возврат денежной суммы, соответствующей общей цене туристского продукта, при отказе от договора до начала путешествия. Полагаем, что в данном случае противоречия нет, поскольку ч. 3 ст. 2 ФЗ № 132 устанавливает приоритет данного закона перед иными законами. Возникающий вопрос о наличии возможного злоупотребления со стороны туриста нивелируется тем, что полностью денежная сумма равная общей цене туристского продукта возвращается не в любом случае, а при отказе от тура до начала путешествия и при наличии размещенной Ростуризмом информации об угрозах безопасности туристов в стране, в которую турист отказался ехать.

Надо сказать, что в последнее время суды при вынесении решений учитывают официальные сообщения Ростуризма. Так, например, истец ссылаясь на то, что между ним и ответчиком был заключен договор оказания услуг по туристскому обслуживанию, а именно: поездки в Турецкую Республику для истца и его семьи. За день от отъезда на официальном сайте Ростуризма в сети Интернет было опубликовано сообщение о наличии обстоятельств, свидетельствующих о возникновении угрозы безопасности здоровья туристов, находящихся в Турецкой Республике, связанных с участвовавшими случаями заражения энтеровирусной инфекцией отдыхающих на турецких курортах, в первую очередь детей, в летний сезон 2017 года. В этот же день истец направил заявление об аннулировании

тура и возврате уплаченных денежных средств. Через девятнадцать дней в адрес ответчика была направлена претензия. Вместе с тем туроператор согласился вернуть денежные средства только за вычетом фактически понесенных расходов. Как считает истец, это не соответствует законодательству, в связи с этим он просил суд взыскать с ответчика полную сумму оплаты по договору оказания услуг по туристскому обслуживанию, компенсацию морального вреда, неустойку, штраф, расходы на оплату юридических услуг.

Суд, оценив имеющиеся по делу доказательства в их совокупности, пришел к выводу о частичном удовлетворении исковых требований истца. При этом, суд исходил из того, что между истцом и ответчиком был заключен ДРТП.

По мнению суда, отказ туроператора вернуть в полном объеме уплаченные истцу денежные средства по договору является неправомерным, поскольку в летний сезон 2017 года в Турецкой Республике выявлены обстоятельства, подтверждающие возникновение в данной стране угрозы безопасности жизни и здоровья туристов, связанные с участвовавшими случаями заражения энтеровирусной инфекцией отдыхающих на турецких курортах, в первую очередь детей. Эти обстоятельства подтверждены официальным решением Ростуризма, опубликованным в сети Интернет, которое согласно ст. 14 ФЗ № 132 является основанием для расторжения договора. Далее истец обратился с заявлением об аннулировании тура и возврате ему денежных средств. Однако денежные средства истцу полностью не были возвращены.

Таким образом, исковые требования истца о возврате денежных средств по договору подлежат удовлетворению в полном объеме (за вычетом добровольно возвращенного ему турагентом вознаграждения турагента). При этом суд апелляционной инстанции исключил ссылки нижестоящего суда на указы Президента

РФ как на основание для истца для обращения к ответчику с требованием о реализации ДРТП [10].

Представляет интерес положение, указанное в ч. 3 ст. 14 ФЗ № 132, согласно которому при возникновении обстоятельств, свидетельствующих о возникновении в стране временного пребывания туристов угрозы безопасности их жизни и здоровью, а равно опасности причинения вреда их имуществу, турист и (или) туроператор (турагент) вправе потребовать в судебном порядке расторжения ДРТП или его изменения. Обращает на себя внимание слово «вправе». Если по отношению к туристу такое слово применимо, поскольку туристу принадлежит субъективное гражданское право, направленное на удовлетворение его интересов, то туроператор (турагент), на наш взгляд, обязаны принимать меры, направленные на обеспечение прав туриста. Ответственность туроператора по обеспечению прав туриста в этом случае опирается на ст. 9 ФЗ № 132.

Согласно ч. 7 ст. 9 ФЗ № 132 в договоре, заключаемом между туристом и туроператором (турагентом), необходимо включать информацию о взаимодействии сторон в случае обращения туриста или иных заказчиков с претензией. Однако это условие на практике некоторыми туроператорами и турагентами соблюдается не всегда.

Туристу следует знать, что претензии к качеству туристского продукта предъявляются туристом и (или) иным заказчиком в претензионном порядке туроператору в письменной форме в течение 20 дней со дня окончания действия договора и подлежат рассмотрению в течение 10 дней со дня получения претензий (ч. 8 ст. 10 ФЗ № 132).

Письменная претензия к туроператору должна содержать четкие требования туриста, например, о расторжении договора, возврате денежных средств и т. д. При несоблюдении претензионного порядка урегулирования спора суд воз-

вращает исковое заявление заявителю согласно нормам процессуального законодательства Российской Федерации.

Согласно п. 50 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 [11] при применении законодательства о защите прав потребителей к отношениям, связанным с оказанием туристских услуг, судам надлежит учитывать, что ответственность перед туристом и (или) иным заказчиком за качество исполнения обязательств по ДРТП, заключенного турагентом как от имени туроператора, так и от своего имени, несет туроператор (в т. ч. за неоказание или ненадлежащее оказание туристам услуг, входящих в туристский продукт, независимо от того, кем должны были оказываться или оказывались эти услуги), если федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации не установлено, что ответственность перед туристами несет третье лицо (ст. 9 ФЗ № 132).

В целях защиты прав туристов в условиях пандемии коронавируса Covid-19 в ФЗ № 132 законодателем 1 апреля 2020 г. была принята новая ст. 11.8, направленная на оперативную защиту нарушенных прав туристов. Она предусматривает, что в случае ограничения иностранным государством въезда туристов в страну временного пребывания или возникновения обстоятельств, указывающих на возникновение в стране временного пребывания туристов угрозы безопасности их жизни и здоровью, а равно опасности причинения вреда их имуществу, Правительством Российской Федерации может быть принято решение [12] о возврате туристам уплаченных ими за туристский продукт денежных сумм из средств фонда персональной ответственности туроператора (если путешествие планировалось в период с начала действия ограничений до 1 июня 2020 г.) на основании представленного к 15 апреля 2020 г. в объединение туроператоров в сфере выездного туризма

туроператором, осуществляющим деятельность в сфере выездного туризма, уведомления о возврате. Следовательно, затраты туристов, произведенные после 1 июня 2020 г., не подлежат возврату на указанных выше условиях.

Сам механизм расторжения ДРТП в условиях пандемии коронавируса также претерпел некоторые изменения. Так, согласно п. 5 постановления Правительства Российской Федерации от 20.07.2020 № 1073 [13] (далее – постановление) при расторжении договора по требованию заказчика туроператор возвращает заказчику уплаченные им за туристский продукт денежные суммы не позднее 31 декабря 2021 г., за некоторым исключением.

Представляется, что столь длительные сроки возврата денежных сумм после расторжения ДРТП (который должен быть заключен по 31 марта 2020 г.) явно ущемляют права туристов.

Во-первых, некоторые договоры заключаются на весьма большие суммы.

Во-вторых, проценты за пользование указанными денежными средствами в размере одной триста шестьдесят пятой ключевой ставки Центрального банка Российской Федерации, действующей с 24.07.2020, за каждый календарный день пользования, которые должен уплатить туроператор (п. 8 постановления), не могут покрыть расходов, которые понесет турист, например, до 31 декабря 2021 года. Причем проценты, указанные в п. 8 постановления, начисляются со дня предъявления заказчиком соответствующего требования до дня возврата заказчику уплаченной за туристский продукт денежной суммы.

На наш взгляд, в такой ситуации турист после расторжения лишается равноценного выбора и ущемляется в правах: ему выгоднее согласиться на равнозначный туристский продукт и перенести турпоездку на иную дату, поскольку при таком переносе доплачивать туроператору не нужно (п. 2 постановления). Но

туристу перенести турпоездку на иную дату в условиях пандемии коронавируса и, следовательно, ограниченности выбора стран для поездки также затруднительно. В рассматриваемом постановлении не рассматривается вопрос расторжения ДРТП и его последствий при банкротстве туроператора.

В виде исключения по требованию двух категорий заказчиков – лицам с 65 лет и старше и лицам, находящимся в трудной жизненной ситуации (наличие у заказчика инвалидности; временная нетрудоспособность заказчика сроком более 2 месяцев подряд; регистрация заказчика в качестве безработного гражданина, который не имеет заработка, в органах службы занятости в целях поиска подходящей работы) – туроператор должен возвратить уплаченную заказчиком денежную сумму за туристский продукт в течение 90 календарных дней с даты предъявления указанного требования, но не позднее 31 декабря 2021 г.

Считаем, что в перечень лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации, не включены и другие лица, например, многодетные семьи, лица, заболевшие после расторжения договора заболеваниями, лечение которых требует значительных денежных средств. Таким образом, рассматриваемое постановление требует корректировки.

Представляется, что вопросы расторжения ДРТП в условиях, подобной пандемии коронавируса, должны решаться системно и позволять всем пострадавшим туристам своевременно вернуть уплаченные за туристский продукт денежные средства.

Знание норм действующего законодательства Российской Федерации в сфере туризма и судебной практики расторжения ДРТП позволит сторонам более ответственно подходить к вопросу о содержании подобных договоров и, следовательно, приведет к уменьшению количества судебных разбирательств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выборочная статистическая информация, рассчитанная в соответствии с официальной статистической методологией оценки числа въездных и выездных туристских поездок // Федеральное агентство по туризму. URL: <https://tourism.gov.ru/contents/statistika/statisticheskie-pokazатели-vzaimnykh-poezdok-grazhdan-rossiyskoy-federatsii-i-grazhdaninostrannykh-gosudarstv/vyborochnaya-statisticheskaya-informatsiya-rasschitannaya-v-sootvetstvii-s-ofitsialnoy-statisticheskoy-metodologiyey-otsenki-chisla-vezdnykh-i-vyezdnykh-turistskikh-poezdok> (дата обращения: 22.09.2020).
2. Действующие ограничения по въезду в иностранные государства // Федеральное агентство по туризму. URL: <https://www.russiatourism.ru/contents/covid-19/deystviyushchie-ogranicheniya-povezdu-v-inostrannye-gosudarstva> (дата обращения: 22.09.2020).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.
4. Об основах туристской деятельности в Российской Федерации: федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ (ред. от 08.06.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 02.12.1996. № 49. Ст. 5491.
5. О защите прав потребителей: закон Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 24.04.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 15.01.1996. № 3. Ст. 140 // Официальный Интернет-портал правовой информации URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 24.04.2020).
6. Апелляционное определение Воронежского областного суда от 07.04.2016 по делу № 33-2124/2015 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 06.06.2018 по делу № 33-10452/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Об утверждении Административного регламента по предоставлению Федеральным агентством по туризму государственной услуги по информированию в установленном порядке туроператоров, турагентов и туристов (экскурсантов) об угрозе безопасности туристов (экскурсантов) в стране (месте) временного пребывания: приказ Минкультуры России от 27.06.2012 № 666 (ред. от 07.09.2016); Об утверждении Положения о Федеральном агентстве по туризму: постановление Правительства Российской Федерации от 31.12.2004 № 901 (ред. от 20.07.2019) // СПС «КонсультантПлюс».
9. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2020. №№ 6, 7.
10. Апелляционное определение Московского городского суда от 26.09.2018 № 33-41958/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
11. О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2012 № 17 // Российская газета. № 156. 2012. 11 июля.
12. О возврате туристам и (или) иным заказчикам уплаченных ими за туристский продукт денежных сумм из средств фонда персональной ответственности туроператора: распоряжение Правительства Российской Федерации от 04.04.2020 № 898-р // Официальный Интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 08.04.2020).
13. Об утверждении Положения об особенностях на 2020 и 2021 гг. исполнения и расторжения договора о реализации туристского продукта, заключенного по 31 марта 2020 г. включительно, туроператором, осуществляющим деятельность в сфере внутреннего туризма, и (или) въездного туризма, и (или) выездного туризма, либо турагентом, реализующим туристский продукт, сформированный таким туроператором, включая основания, порядок, сроки и условия возврата туристам и (или) иным заказчикам туристского продукта уплаченных ими за туристский продукт денежных сумм или предоставления в иные сроки равнозначного туристского продукта, в том числе при наличии обстоятельств, указанных в части третьей статьи 14 Федерального закона «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации»: постановление Правительства

Российской Федерации от 20.07.2020 № 1073 // Официальный Интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 24.07.2020).

© Галимов Р. Р.
© Улимаев Р. Ю.

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ БЛОК

УДК 343.985.7:343.346:342.132.1(470)

Г. Х. АФЗАЛЕТДИНОВА, старший преподаватель кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (г. Уфа)

G. KH. AFZALETDINOVA, Senior Instructor of the forensic science department of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Juridical Science (Ufa)

**К ВОПРОСУ О ПРОВЕДЕНИИ СЛЕДСТВЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

**ON THE QUESTION OF CONDUCTING AN INVESTIGATIVE EXPERIMENT
IN THE INVESTIGATION OF ROAD TRANSPORT CRIMES**

Аннотация. В статье рассматриваются особенности, возникающие при проведении следственного эксперимента при расследовании дорожно-транспортных преступлений (далее – ДТП). Исследованы вопросы планирования, проведения и оценки результатов следственного эксперимента, использования полученной криминалистически значимой информации в целях установления обстоятельств совершенного преступного деяния и др. На основе анализа судебной практики рассмотрения уголовных дел по факту совершения ДТП приводятся обстоятельства, которые получают проверку посредством проведения следственного эксперимента. Зачастую при расследовании рассматриваемого преступного события показаниями свидетелей и потерпевшего(их) невозможно опровергнуть показания подозреваемого (обвиняемого), вызывающие недоверие у следствия, что становится возможным посредством проведения следственного эксперимента, имеющего объективную природу, в отличие от показаний очевидцев, для которых характерно субъективное восприятие преступления.

Ключевые слова и словосочетания: следственный эксперимент, планирование, проведение, оценка, следователь, опытные действия, транспортное средство.

Annotation. The article examines the features that arise during the investigative experiment in the investigation of traffic crimes (hereinafter – RTA). It has been examined the issues of planning, conducting and evaluating of the results of the investigative experiment, the use of forensically significant information in order to establish the circumstances of the accident. On the basis of the analysis of the judicial practice of criminal cases in connection with the accident, the circumstances that are tested through the conducting of the investigative experiment are presented. Often in the investigation of an accident by the testimony of witnesses and the victim(s) it is impossible to refute the testimony

of the suspect (accused), causing distrust of the investigation, which becomes possible through the investigative experiment, which has an objective nature, as opposed to the testimony of eyewitnesses, which is characterized by a subjective perception of the crime.

Keywords and phrases: *investigative experiment, planning, conducting, evaluating, investigator, experimental acts, vehicle.*

Несмотря на вносимые изменения в уголовное законодательство относительно новых оснований для привлечения к уголовной ответственности за совершенное дорожно-транспортное преступление (далее – ДТП), ситуация по раскрытию рассматриваемых преступлений продолжает оставаться сложной [1], что обусловлено рядом причин (плохое качество дорог и др.). Однако повышение качества расследования ДТП необходимо осуществлять не только посредством совершенствования карательных мер, но и посредством использования в расследовании рекомендаций, выработанных методикой относительно рассматриваемой категории преступлений.

При расследовании ДТП в целях установления истины по уголовному делу и получения объективных данных об обстоятельствах преступного события необходимо проводить следственный эксперимент. Отсутствие проведения рассматриваемого следственного действия по делам о ДТП может свидетельствовать о неполноте проведенного расследования.

Анализ судебной практики по рассматриваемой категории преступлений показывает, что не всеми лицами, производящими расследование, в полной мере осознается опытная природа, логика и сущность рассматриваемого следственного действия, поэтому актуализируется значение вырабатываемых тактических приемов и средств при проведении следственного эксперимента.

Лицо, производящее расследование по ДТП, в процессе планирования проведения следственного эксперимента, определяет круг участников и их фактическое нахождение при непосредственном проведении опытных действий в

определенный промежуток времени. Следователь осуществляет руководство проводимыми опытными действиями и впоследствии оценивает его результаты. При проведении следственного эксперимента по факту совершенного ДТП необходимо участие сотрудников ГИБДД МВД России, обеспечивающих безопасность проводимого следственного действия, посредством оцепления участка дороги. При использовании технических средств фиксации понятия могут не принимать участия, также могут принимать участие иные лица, в том числе и специалист – криминалист и специалист – автотехник. Непосредственное проведение опытных действий может быть поручено как подозреваемому, так и техническому исполнителю. Также может быть заменено иным лицом участие потерпевшего (например, в случае нахождения последнего в больнице).

В процессе планирования к проведению следственного эксперимента по делам о совершенном ДТП необходимо стремиться к максимальному приближению к погодным условиям, времени суток, степени освещенности участка дороги, состоянию проезжей части, имевшим место при совершении ДТП. Например, если оно совершено при отсутствии освещения на рассматриваемом участке дороги, необходимо максимально приблизиться к таким условиям. Если происшествие совершено в дождливую погоду, то необходимо обеспечить участие сотрудников дорожной службы. На результат рассматриваемого следственного действия влияет и такое обстоятельство, как использование транспортного средства, участвовавшего в ДТП, если последнее имеет значительные повреждения, то аналогичного по модели, году

выпуска и другим параметрам. Таким образом, тщательность и скрупулёзность планирования следственного эксперимента при расследовании ДТП позволяет учесть все обстоятельства произошедшего преступления, всесторонне, полно и объективно осуществлять расследование по уголовному делу и получать доказательства объективного характера.

Так, И., будучи осужденным по ч. 4 ст. 264 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее – УК РФ) к 2 годам 2 месяцам лишения свободы, с лишением права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортным средством на 3 года, в поданной апелляционной жалобе утверждал о своей невиновности, вину в нарушении Правил дорожного движения, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090, при управлении им транспортным средством в состоянии опьянения, повлекшего по неосторожности смерть А., не признавал. По уголовному делу проводился следственный эксперимент, при планировании проведения которого следователем определена дата его проведения и время начала рассматриваемого следственного действия, которые были приближены к погодным условиям в момент совершения ДТП. Следственный эксперимент проводился с целью установления возможности видения встречного автомобиля с салона автомобиля водителя на различных расстояниях с включенным и выключенным светом фар и левым поворотником. В ходе данного следственного действия установлено, что расположение встречной автомашины с включенным светом фар на полосе движения автомобиля невозможно определить [2].

В ходе расследования ДТП, помимо обстоятельств места, времени совершения преступления и других, указанных в ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 № 174-ФЗ (далее – УПК РФ), под-

лежат установлению: «скорость и траектория движения транспортных средств; поведение пешеходов на проезжей части; видимость и обзорность проезжей части; дистанция и боковой интервал между транспортными средствами; особенности расположения и крепления груза и другие» [3, с. 119–120].

Показания, данные потерпевшим, участниками и очевидцами ДТП, ввиду субъективного восприятия обстоятельств произошедшего преступного события могут отличаться в той или иной мере необъективностью, не полнотой и носить общий характер. Имеют место случаи, когда потерпевший скончался на месте совершения ДТП или от полученных при происшествии телесных повреждений в больнице, и, как следствие, орган предварительного расследования не располагает его показаниями. Очевидцы, допрашиваемые впоследствии в качестве свидетелей, могут наблюдать событие с определенного ракурса. Обзору могут мешать проезжающие автомобили, само ДТП характеризуется стремительным наступлением и неожиданностью для очевидцев. В ходе допроса подозреваемый (обвиняемый) зачастую не признает факт превышения установленной скорости движения транспортного средства на отмеченном участке дороги с целью избежания уголовной ответственности, может давать неистинные показания относительно скорости движения, действий потерпевшего на участке дороги, на котором он (водитель) осознал аварийный характер сложившейся ситуации. Для составления перечня обстоятельств, который необходимо установить при расследовании ДТП, в большинстве случаев очевидцы и участники ДТП (лица, находившиеся в автомашине водителя, совершившего ДТП) не могут дать полных и объективных показаний. Так, на восприятие очевидцем обстоятельств произошедшего происшествия влияют возраст, состояние здоровья, сила удара транспортного средства. Таким образом,

нами, а также практическими работниками, специализирующимися на расследовании ДТП и учёными-криминалистами отстаивается точка зрения о доказательственном значении и получении криминалистически значимой информации в результате проведения следственного эксперимента при расследовании уголовных дел по факту ДТП.

В процессе проведения следственного эксперимента транспортное средство перемещается на место возникновения предполагаемой аварийной ситуации до места столкновения с установленным в ходе расследования транспортным средством либо наезда на пешехода или неподвижное препятствие и др. Опытные действия повторяются не менее трех раз для объективности полученных данных. Нельзя забывать и об обеспечении мер безопасности. Не все участники уголовного судопроизводства, как со стороны защиты, так и обвинения, заявляя ходатайство о проведении следственного эксперимента в ходе предварительного следствия и суда, при расследовании рассматриваемой категории преступлений осознают, что выносимый отказ в проведении следственного эксперимента обусловлен защитой их жизни и здоровья. В ходе рассмотрения уголовного дела в суде по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 264 УК РФ, сторона защиты заявила, что проведенное следствие характеризуется неполнотой в части отсутствия проведения следственного эксперимента. В решении суда – постановлении данное обстоятельство нашло своё отражение и оценку. Судья указал, что непроведение следственного эксперимента не может указывать на недоказанность вины А. в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 264 УК РФ. Проведенным следственным экспериментом могла создаваться угроза безопасности лиц, участвующих в его проведении, и в первую очередь, статистов. ДТП совершено в результате того, что обвиняемый П. не справился с

управлением самодельной механической установкой, находился в состоянии опьянения и допустил съезд в овраг и опрокидывание транспортного средства вместе с находившимся пассажиром, получив телесные повреждения, не сопоставимые с жизнью [4].

Затрагивая вопрос оценки результатов следственного эксперимента, отметим, что её необходимо производить на основе следственных версий, выдвигаемых лицом, производящим расследование, в целях проверки которых и проводится следственный эксперимент. Результат рассматриваемого следственного действия может быть как положительным (в результате проведения следственного эксперимента опровергнуты показания подозреваемого о том, что он не превышал установленную для конкретного участка дороги скорость движения, имел возможность видеть выбежавшего в неположенном месте потерпевшего, осознав возникшую опасность имел возможность своевременно принять меры к остановке транспортного средства), так и отрицательным, если не представилось возможным опровергнуть показания подозреваемого. Так, М. обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 264 УК РФ. М., работая водителем на государственном унитарном предприятии, осуществлял движение на автобусе по маршруту. М. на участке проезжей части «Уфа-Аэропорт», подъезжая к остановке общественного транспорта, снизил скорость, пропустив пешеходов, и увидел женщину, которая с расстояния семи метров диагонально от дорожного знака «пешеходный переход» начала переходить дорогу, и была сбита М. В ходе проведенного следственного эксперимента доводы обвиняемого М. (согласно данным им показаниям) опровергнуты. Проведенным следственным экспериментом установлено, что с водительского места автобуса видно пешехода-статиста в зоне действия дорожного знака. В ходе оценки проведенного следственного экспери-

мента установлено, что у водителя имелась возможность предотвратить ДТП, что позволило проверить и подтвердить соответствующую следственную версию [4].

Выводы, полученные в результате следственного эксперимента могут иметь и вероятностный характер. «В тех же случаях, когда следственным экспериментом устанавливается лишь возможность определенной череды событий, возможность образования следов, то выводы из результатов будут только вероятными» [6, с. 217]. Следовательно, предполагая об отрицательном и вероятностном характере выводов по результатам следственного эксперимента, может принять решение о непроведении рассматриваемого следственного действия.

Таким образом, следственный эксперимент проводится, как правило, на последующем этапе расследования ДТП (нельзя откладывать его проведение в связи с сезонным изменением погодных условий), когда предварительное следствие располагает определенной информацией о расследуемом событии, имеются заключения экспертиз, а также известны обстоятельства, которые необходимо проверить опытным путем.

Посредством проведения следственного эксперимента по рассматриваемой категории преступлений устанавливается следующее:

– видимость на конкретном участке дороги;

– работоспособность отдельных деталей и механизмов транспортного средства (например, тормозного механизма, рулевого механизма);

– обзорность на месте водителя;

– скорость движения транспортного средства;

– физическая возможность при соответствующих погодных условиях, состоянии дорожного покрытия, освещенности для восприятия обстоятельства дорожной ситуации и др.

В данной статье нами рассмотрены лишь некоторые аспекты проведения следственного эксперимента при расследовании ДТП. В связи с тем, что расследование рассматриваемого вида преступлений отличается сложностью, необходимо дальнейшее исследование методики расследования анализируемых преступлений, а также первоначального и последующего этапов.

Необходимо осознавать, что проблема повышения эффективности выявления, раскрытия и расследования дорожно-транспортных преступлений требует совместных усилий со стороны правотворческих и правоприменительных органов, внедрения и использования научных положений в следственной практике, повышения технического оснащения дорог различного уровня, что позволит оказать серьёзное противодействие рассматриваемому виду преступлений и увеличить их раскрываемость.

ЛИТЕРАТУРА

1. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2019 года // Официальный сайт МВД Российской Федерации (дата обращения: 29.09.2020).
2. Уголовное дело № 1-276/2019 // Архив Верховного суда Республики Башкортостан. Оп. 1. 248 л.
3. Кольчурин А. Г. Особенности проведения следственного эксперимента при расследовании дорожно-транспортных преступлений // Юристъ-Правоведъ. 2019. № 4 (91). С. 119–122.
4. Уголовное дело № 1-83/2019 // Архив Салаватского районного суда Республики Башкортостан. Оп. 1. 240 л.
5. Уголовное дело № 1-511/2019 // Архив Кировского районного суда г. Уфы. Оп. 1. 240 л.

6. Чернецкий О. К. Оценка результатов следственного эксперимента // Учёные записки Крымского Федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2015. № 1. С. 216–220.

© Афзалетдинова Г. Р.

УДК 343.985.7:343.352(470)

О. В. ГАЗИЗОВА, преподаватель
кафедры профессиональной подготовки
Уфимского юридического института
МВД России (г. Уфа)

O. V. GAZIZOVA, Instructor of the
Professional training Department of Ufa
Law Institute of the Ministry of Internal
Affairs of Russia (Ufa)

О. А. ЗАХАРОВА, преподаватель
кафедры профессиональной подготовки,
Уфимского юридического института
МВД России (г. Уфа)

O. A. ZAKHAROVA, Instructor of the
Professional training Department of Ufa
Law Institute of the Ministry of Internal
Affairs of Russia (Ufa)

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ РАССЛЕДОВАНИЯ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF THE CORRUPTION CRIMES INVESTIGATION

Аннотация. Одной из наиболее серьезных проблем Российской Федерации являются коррупционные преступления. В последнее время происходят качественные изменения в структуре данного вида преступлений, возрастает криминальный профессионализм лиц, совершающих преступления. Способы совершения таких преступлений постоянно совершенствуются, они становятся все более изощренными, интеллектуальными, а процесс их расследования, как правило, сопровождается активным противодействием со стороны преступников и иных связанных с ними лиц. Соблюдение прав и свобод физических, юридических лиц, интересов государства возможно только при условии действенных мер борьбы с преступностью. Данная статья рассматривает вопросы правового регулирования расследования преступлений коррупционной направленности. Анализируются проблемы Федерального закона «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ, уголовного, уголовно-процессуального законодательства, затрагивающие сферу выявления, предупреждения, раскрытия и расследования коррупционных преступлений, а также предлагаются пути совершенствования данного законодательства.

Ключевые слова и словосочетания: преступление, расследование, раскрытие, противодействие, коррупция, коррупционные преступления, правовое регулирование.

Annotation. One of the most acute problems of the Russian Federation is corruption crimes. Recently, there have been qualitative changes in the structure of this type of crime, and the criminal professionalism of persons committing crimes is increasing. The methods of committing such crimes are constantly improving, they are becoming more sophisticated, intellectual, and the process of their investigation, as a rule, is accompanied by active opposition from criminals and other persons associated with them. A legal, democratic state presupposes the functioning of an effective political, economic social system of the state. The observance of the rights and freedoms of individuals, legal entities, the interests of the state is possible only under the condition of effective measures to combat crime. This article examines the issues of legal regulation of the investigation of corruption crimes. The article analyzes the problems of the Federal Law «On Combating Corruption», criminal, criminal procedural legislation, affecting the sphere of detection, prevention, disclosure and investigation of corruption crimes, and also suggests ways to improve this legislation.

Keywords and phrases: crime, investigation, disclosure, counteraction, corruption, corruption crimes, legal regulation.

Россия, встав на путь построения правового демократического государства, важную роль отвела органам государственной власти, а также органам местного самоуправления, однако, несмотря на это, в данной сфере совершаются преступления коррупционной направленности. Коррупция является не только опасным социальным фактором, подрывающим авторитет государственной власти, но также выступает и причиной, влияющей на существование иных экономических, политических преступлений [1]. Ввиду этого, противодействие коррупционным проявлениям является важнейшей задачей государственного строительства.

В структуре коррупционной преступности основную долю составили взяточничество – 44,7 %, мошенничество, совершенное с использованием служебного положения – 23,7 %, присвоение или растрата с использованием служебного положения – 10,5 %, служебный подлог – 7,2 %, мелкое взяточничество – 17,5 %, получение взятки – 12,9 %, дача взятки – 10,2 %, коммерческий подкуп – 3,2 %, посредничество во взяточничестве – 4,2 %, злоупотребление должностными полномочиями – 2,7 %, превышение должностных полномочий – 2,2 %, мошенничество при

получении выплат – 1,2 %, мелкий коммерческий подкуп – 1,0 %, злоупотребление полномочиями (в коммерческих организациях) – 0,5 %, легализация (отмывание) денежных средств – 0,5 % [2]. В правовой литературе это объясняется тем, что уровень латентности таких посягательств остается достаточно высоким.

Термин «коррупция» раскрывается в Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее – ФЗ «О противодействии коррупции») [3]. Проведенный анализ дефиниции данного понятия позволяет прийти к выводу, что субъектами коррупционных преступлений могут выступать не только государственные, муниципальные служащие, но и должностные лица государственных, муниципальных юридических лиц, сотрудники коммерческих организаций (акционерных обществ, обществ с ограниченной ответственностью, индивидуальных предпринимателей).

Несмотря на то, что в последние годы большое внимание уделяется совершенствованию способов и средств борьбы с коррупционными преступлениями, проблемы раскрытия и расследования таких преступлений остаются все также актуальными.

К сложностям расследования относятся следующее:

- коррупционные преступления имеют «скудную следовую картину»;
- при расследовании указанных преступлений, как правило, сложно найти свидетелей его совершения.

Основными субъектами коррупционных преступлений являются взяткодатель, взяткополучатель, посредник, то есть лица, которые заинтересованы в положительном результате от совершенного преступления. Поэтому данные лица предпринимают все возможные меры по недопущению случайных очевидцев при совершении преступления, а также по сокрытию следов;

- расследованию преступлений препятствует использование должностного положения лицом, совершившим преступление в отношении лица, которое расследует уголовное дело [4, с. 125].

Одним из направлений повышения эффективности расследования преступлений коррупционной направленности является совершенствование действующего законодательства. Рассмотрим его подробнее.

1. Проблема регламентации понятия «коррупция» и «коррупционные преступления». ФЗ «О противодействии коррупции» использует в терминологии оба термина, однако дефиниция понятия «коррупционные преступления» в законе отсутствует. На наш взгляд, отсутствие определения «коррупционные преступления» на законодательном уровне является упущением законодателя, поскольку оно часто используется как в литературе, так и в судебной практике. Например, постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (далее — постановление) данный термин использует как в названии, так и в содержании, при этом высшая судебная инстанция также не разъясняет в своем

постановлении, что такое «коррупционные преступления», возможно, справедливо полагая, что это является прерогативой законодателя. Например, проводя аналогию с ФЗ «О противодействии терроризму», следует отметить, что здесь дается определение не только исходному понятию «терроризм», но и раскрывается производный от него термин «террористическая деятельность» (ст. 3). Такой же подход был избран законодателем в Федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Дефиниция термина «коррупция», содержащегося в ФЗ «О противодействии коррупции», использует в своем содержании перечисление видов деяний коррупционной направленности, поэтому логичнее было бы понятие «коррупция» заменить на «коррупционные преступления». Термин «коррупция» должен иметь иное содержание с учетом того, что является родовым к понятию «коррупционные преступления».

2. Проблема недостаточного уровня качества проведения предварительного расследования. В первую очередь, рассмотрим недостатки, связанные с относимостью, допустимостью и достаточностью доказательств в совершении коррупционного преступления. Проверка, проводимая после поступления сообщения о совершении коррупционного преступления, в значительной степени влияет на принятие решения о возбуждении уголовного дела. Ввиду того, что данная категория преступления относится к числу латентных, особое значение при расследовании приобретает качество проведенных оперативно-розыскных мероприятий. Основным оперативно-розыскным мероприятием выступает «оперативный эксперимент». Однако на практике, осуществление данного мероприятия имеет некоторые недостатки. Во-первых, данный вид оперативно-розыскного мероприятия может проводиться только при расследовании преступле-

ний средней тяжести, тяжкого или особо тяжкого преступления (ст. 8 Федерального закона «Об Оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ). Соответственно, для выявления такого преступления, как мелкое взяточничество (получение взятки до двадцати пяти тысяч рублей), оперативный эксперимент проводиться не может, что отрицательно сказывается на расследовании коррупционных преступлений. Во-вторых, оперативный эксперимент проводится только в случае поступления достоверных сведений о совершении коррупционного преступления, например, что конкретное должностное лицо берет взятки. На наш взгляд, было бы обоснованным предоставление возможности проведения оперативного эксперимента без взаимосвязи с наличием достоверной информации об этом. Соответственно, чиновники, зная, что могут подвергнуться проверке в любой момент, будут по-другому относиться к взятке и иным коррупционным проявлениям [5, с. 49].

3. Третья группа проблем обусловлена несовершенством уголовно-процессуального законодательства. Например, расследование преступлений, связанных со взяточничеством (ст.ст. 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ), в соответствии со ст. 151 УПК РФ относится к исключительной подследственности следователей Следственного комитета Российской Федерации. Расследование таких преступлений, как злоупотребление должностными полномочиями и хищение в форме присвоения или растраты, относятся к прямой подследственности следователей Следственного комитета Российской Федерации (ст. 285 УК РФ) и органов внутренних дел Российской Федерации (ст. 160 УК РФ), но и указаны в ч. 5 ст. 151 УПК РФ. Такие преступные деяния могут быть расследованы органом, который обнаружил преступление. Однако если такие деяния совершены специальным субъектом, например, судьей, прокурором, то подобные деяния являют-

ся объектом расследования следователей Следственного комитета РФ. В соответствии со ст. 10 Федерального закона от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности» [6] на сотрудников Федеральной службы безопасности Российской Федерации (далее – ФСБ РФ) возложена обязанность по проведению оперативно-розыскных мероприятий в сфере коррупционных проявлений. В соответствии со ст. 12 этого же закона, органы ФСБ РФ также осуществляют взаимодействие с иными государственными органами в сфере борьбы с коррупцией и разрабатывают меры по борьбе с ней. Таким образом, логичным было бы рассмотреть вопрос о наделении сотрудников ФСБ РФ полномочиями по осуществлению предварительного следствия в случае выявления преступлений, предусмотренных ст.ст. 290–291.1 УК РФ. Также следует предоставить им полномочия по расследованию коррупционных преступлений, совершенных специальными субъектами на альтернативной основе. Расширение полномочий органа ФСБ РФ с учетом задачи их деятельности будет способствовать повышению эффективности по борьбе с коррупцией в России.

4. Следующая проблема связана с тем, что данная категория преступников, как правило, имеет «особые привилегии» – дополнительные процессуальные гарантии в отношении значительного круга должностных лиц, указанных в ст. 447 УПК РФ. В отношении данных субъектов применяется особый порядок производства по уголовным делам и ведения оперативно-розыскных мероприятий. Такие привилегии создают для правоприменителей иногда непреодолимые препятствия, а то и вовсе исключают возможность привлечения к уголовной ответственности указанных лиц.

Подозреваемые, обвиняемые в совершении коррупционных преступлений, зачастую используют тактику «жалобщиков». Как правило, такие лица направляют различные жалобы в вышестоящие

инстанции о необоснованном привлечении их к уголовной ответственности, руководствуясь Федеральным законом от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» и главой 16 УПК РФ, например, в Генеральную прокуратуру Российской Федерации, в Администрацию Президента Российской Федерации. Объектом обжалования выступает практически каждое действие органа предварительного следствия. Результатом всего является затягивание процессуальных сроков расследования уголовных дел, поскольку зачастую уголовные дела истребуются и направляются в надзорные инстанции [7].

В связи с этим следует рассмотреть вопросы в части отмены «привилегий» у отдельных категорий лиц, наиболее склонных к противоправным действиям указанного характера, и ужесточения наказания за преступления данной категории.

По причине недоработки законодательства, трудности легализации результатов оперативно-розыскной деятельности, коррупционные преступления бывают объективно недоказуемы. Зачастую складываются ситуации, когда преступления в действительности совершены конкретными лицами, но имеющиеся доказательства недостаточны для предъявления обвинения. Именно поэтому при расследовании уголовных дел данной категории следует четко разрабатывать план расследования, придерживаться его, заранее продумывать возможные варианты действий субъектов уголовного процесса, тщательно проверять издаваемые процессуальные документы.

Таким образом, вопросы расследования коррупционных преступлений являются актуальной темой ввиду их высокой латентности, а также множества препятствий, создаваемых специальным субъектом, совершившим преступление по причине предоставления им осо-

бых гарантий, закрепленных в главе 16 УПК РФ. Официальная статистика не отражает реальной картины взяточничества и других преступлений коррупционной направленности, поскольку коррупция всегда представляет собой сделку между должностным лицом и лицом, заинтересованным в его определенном поведении.

С учетом сложностей, возникающих при расследовании данной категории преступлений, одним из направлений повышения эффективности расследования преступлений коррупционной направленности является совершенствование действующего законодательства, а именно:

- статья 1 ФЗ «О противодействии коррупции» должна быть дополнена положением, закрепляющим понятие «коррупционное преступление»;

- в ст. 8 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» должно быть предоставлено право оперативным сотрудникам проводить такое оперативно-розыскное мероприятие, как «оперативный эксперимент», вне зависимости о наличии сведений о том, берет ли взятки должностное лицо или нет. Соответственно, чиновники, зная, что могут подвергнуться проверке в любой момент, будут по-другому относиться к взятке и иным коррупционным проявлениям;

- следует наделить органы ФСБ полномочием осуществлять предварительное следствие по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 290–291.1 УК РФ, а также разрешить им на альтернативной основе расследовать уголовные дела о коррупционных преступлениях в отношении специальных субъектов;

- следует рассмотреть вопрос в части отмены «привилегий» у отдельных категорий лиц, наиболее склонных к противоправным действиям указанного характера, и ужесточения наказания за преступления данной категории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гармаев Ю. П., Степаненко Д. А., Степаненко Р. А. Особенности расследования преступлений, связанных с посредничеством во взяточничестве и коммерческом подкупе // СПС «КонсультантПлюс».
2. Научно-исследовательский центр № 1 (по исследованию проблем криминологического обеспечения деятельности органов внутренних дел, анализа и прогнозирования преступности, социологического обеспечения деятельности органов внутренних дел, изучение общественного мнения о полиции) // Аналитический обзор. 2020. 88 с.
3. Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (принят Государственной Думой 21 декабря 2012 г.; одобрен Советом Федерации 26 декабря 2012 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Гайнельзянова В. Р. Проблемы, возникающие при расследовании преступлений коррупционной направленности // Государственная служба и кадры. 2018. № 2. С. 125–126.
5. Александров А. И. Борьба с коррупцией: актуальные вопросы уголовного права, уголовного процесса и ОРД // Российская юстиция. 2018. № 4. С. 49–52.
6. Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств: федеральный закон от 25.04.2002 № 4-ФЗ (ред. от 08.12.2020) (принят Государственной Думой 3 апреля 2002 г.; одобрен Советом Федерации 10 апреля 2002 г. // СПС «КонсультантПлюс».
7. Ершова А. Д. Проблемы расследования уголовных дел коррупционной направленности // Отечественная юриспруденция. 2017. № 8 (22). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-rassledovaniya-ugolovnyh-del-korrupsionnoy-napravlenosti> (дата обращения: 25.09.2020).

© Газизова О. В.

© Захарова О. А.

УДК 347.454.048:343.7(470)

Т. И. ЕГОРОВА, преподаватель кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России (г. Уфа)

T. I. EGOROVA, Lecturer of the Chair of Professional Training of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ufa)

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

SPECIFIC FEATURES OF CRIME INVESTIGATION IN THE SPHERE OF ECONOMIC ACTIVITY

Аннотация. В настоящей статье рассмотрены особенности расследования преступлений в сфере экономической деятельности, затронуты причины совершения преступлений интересующей автора направленности. Предложено создание новой службы «экономической полиции», в которую будут входить специалисты, обладающие глубокими знаниями не только в юриспруденции, но и в экономике.

Ключевые слова и словосочетания: преступления в сфере экономической деятельности, сложности расследования, «экономическая полиция».

Annotation. In this article, specific features of crime investigation in the sphere of economic activity are considered, the reasons for the commission of crimes that are of interest to the author are touched upon. It is proposed to create a new service of «economic police», which will be staffed with specialists having profound knowledge not only in law, but also in Economics.

Keywords and phrases: crimes in the sphere of economic activity, complexities of investigation, «economic police».

Актуальность выбранной темы обусловлена, прежде всего, тем, что рост преступлений в сфере экономической деятельности не только создают угрозу для формирования эффективной и конкурентной деятельности в предпринимательской среде, но и способствует снижению результативности финансово-экономических преобразований в государстве.

К основным причинам совершения таких преступлений относятся корыстные интересы коррумпированных должностных лиц и организованных преступных групп, желающих обогатиться за счет государственных средств, в значительной степени формируемых за счет налогоплательщиков. Такие хищения совершаются, как правило, под видом или в процессе законных хозяйственных операций, а наступающие вслед за ними последствия подрывают авторитет государственной власти, способствуют усилению недовольства населения и оказывают отрицательное влияние на социально-экономическую обстановку в стране [1].

Доказывание факта совершения экономического преступления является непростой задачей. Еще до возбуждения уголовного дела следственные органы сталкиваются с рядом сложностей, без которых расследование невозможно. Попробуем коротко рассмотреть некоторые из них.

Во-первых, на наш взгляд, одной из наиболее важных задач, стоящих перед следователем, является то, что на первоначальном этапе, при рассмотре-

нии материала доследственной проверки достаточно сложно разграничить экономическое преступление от гражданско-правовых отношений. Как правило, еще до возбуждения уголовного дела следователь вынужден назначить ряд судебных экспертиз как традиционных, например, криминалистических, так и специфических для конкретного вида преступления, в том числе экономических, финансовых, бухгалтерских, строительных и других, позволяющих выяснить, имеются ли в действиях лица признаки преступления, или же лицом совершены действия, которые следует отнести к гражданско-правовым деликтам.

Во-вторых, немаловажный момент, который мы хотели бы отметить: лица, совершающие преступления в сфере экономической деятельности, являются высококвалифицированными специалистами, обладающими глубокими познаниями в экономической, финансовой и правовой системах, в связи с чем следственным органом необходимо постоянно самосовершенствоваться, а именно углублять свои знания, как в сфере экономики, финансов, так и в правовой системе, что позволит им быть «на шаг впереди» злоумышленников.

В-третьих, в процессе расследования экономического преступления необходимо выполнить большой объем следственных и иных процессуальных действий, что затягивает сроки расследования на длительное время. Не стоит забывать и о качестве расследования указанной категории преступлений, так как они отли-

чаются от обычных преступлений (краж, грабежей и т. д.).

Так, при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности, следователю необходимо обратить внимание на следующие моменты:

1) исследование бухгалтерских документов, которые позволят определить в денежном выражении состояние имущества, обязательств и капитала организации и их изменений;

2) исследование исполнения обязательств по исчислению налогов и сборов с целью определения состояния и изменения налоговых обязательств;

3) исследование финансового состояния и финансовых результатов деятельности с целью определения состояния и изменения финансовых показателей (финансово-аналитическая экспертиза и исследования);

4) исследование стоимости, позволяющее определить рыночную и иные виды стоимости, а также ее изменения.

Учитывая особенности расследования преступлений в сфере экономической деятельности, для улучшения качества расследования и выявления новых преступлений, на наш взгляд, необходимо создать отдельную службу при правительстве Российской Федерации для расследования преступлений экономической направленности – «экономическая полиция». Стоит обратить особое внимание на подготовку сотрудников (специалистов), которые будут работать в «экономической полиции», они должны обладать знаниями не только в юриспруденции, но и обладать знаниями в области экономики и финансов, а также иметь помимо юридического образования еще и экономическое.

Вопрос о создании отдельной службы «экономической полиции» рассматривается уже несколько лет. Однозначного мнения о необходимости создания отдельной службы в данной области нет. Так, значительная часть практиков считают нецелесообразным создание от-

дельной службы, так как в полиции уже имеются отделы по расследованию преступлений в сфере экономики. К примеру, в Главном следственном управлении по Республике Башкортостан существует отдел по расследованию преступлений в сфере экономики, а также отдел по расследованию коррупционных преступлений. Проблема заключается в том, что указанные преступления расследуют следователи, не имеющие экономического образования, в связи с этим следователи вынуждены в ходе расследования уголовного дела обращаться к специалистам в данной области, стараться вникать в бухгалтерские документы, что значительно осложняет ход расследования.

На наш взгляд, создание «экономической полиции» даст возможность улучшить качество расследования преступлений экономической направленности, позволит создать специалистов, обладающих специальными познаниями в сфере экономики, что, в свою очередь, сократит сроки расследования, улучшит качество собранных доказательств, поможет самостоятельно разбираться в тонкостях бухгалтерских документов, проводить анализ финансового состояния предприятий, следствием чего станет не только сокращение сроков расследования, но и облегчение работы экспертов, проводящих судебные бухгалтерские, финансово-аналитические экспертизы.

Подводя итог, мы хотели бы акцентировать внимание на сложности расследования преступлений в сфере экономической деятельности, которая обусловлена не только большим объемом проведения следственных и процессуальных действий, длительным сроком расследования, но и качеством расследования. В связи с этим нами предложено создание отдельной службы «экономической полиции», сотрудники которой будут не только производить расследования преступлений на высоком уровне, но и выявлять новые латентные преступления, что позволит улучшить экономическое

ЛИТЕРАТУРА

1. Доронина Н. Ю. Проблемы квалификации преступлений в сфере экономики // Молодой ученый. 2020. № 3 (293). С. 167–172. URL: <https://moluch.ru/archive/293/66457> (дата обращения: 17.09.2020).

© Егорова Т. И.

УДК 343.918:796-051(470)

И. Х. МИНИГАЛЕЕВ, преподаватель кафедры специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России (г. Уфа)

I. H. MINIGALEEV, Instructor of the Chair of Special Training of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ufa)

У. А. АМИРОВ, преподаватель кафедры специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России (г. Уфа)

U. A. AMIROV, Instructor of the Chair of Special Training of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ufa)

Р. Р. НУХОВ, преподаватель кафедры специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России (г. Уфа)

R. R. NUKHOV, Instructor of the Chair of Special Training of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ufa)

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ СПОРТСМЕНАМИ

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF CRIMES COMMITTED BY ATHLETES

Аннотация. Ключевые результаты статьи заключаются в том, что спорт и преступность вызывают особые эмоции и споры. У большинства людей есть свое мнение на этот счет. Многие считают, что между ними существует связь, но отношения между спортом и преступностью сложны. Дело в том, что преступления, которые были совершены спортсменами, имеют особую криминологическую характеристику.

Ключевые слова и словосочетания: криминологическая характеристика, спортсмен, нормы, спортивная деятельность, законодательство, криминология.

Annotation. *The key findings of the article are in that sport and crime generate particular emotions and controversy. Most people have their own opinion on this matter. Many believe there is a connection between the two, but the relationship between sport and crime is complex. The fact is that the crimes committed by athletes have a special criminological characteristic.*

Keywords and phrases: *criminological characteristics, athlete, norms, sport activities, legislation, criminology.*

состояние государства и, соответственно, качество жизни граждан.

Криминология уже более века является признанной областью научных исследований, в основе которой лежит понимание феномена преступности. Криминология включает в себя изучение всех аспектов преступности и правоприменения – криминальной психологии, социальных условий преступления, запрета и предотвращения, расследования и обнаружения, поимки и наказания. Можно сказать, что многие из вовлеченных людей – законодатели, социальные работники, судьи – могут считаться криминологами, хотя это слово обычно относится только к ученым и исследователям. Криминология включает в себя документирование фактической информации о преступности и разработку теорий, помогающих объяснить эти факты [1].

Рассматривая преступность как социальное явление, необходимо понимать ее «неотделимость» от жизни социума. Можно сказать, что преступность уникальна для каждого времени и социального общества. Понимание преступности и ее причин может быть улучшено путем рассмотрения более отдаленных причин преступного поведения спортсменов.

Для наиболее достоверного проведения анализа преступности, где субъектом является спортсмен, необходимо дать определение «спортсмена». Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» дает следующее понятие: «Спортсмен – физическое лицо, занимающееся выбранным видом или

видами спорта и выступающее на спортивных соревнованиях» [2].

Изначально такой криминологический феномен, как преступность среди спортсменов, появился в России во время реформ 80-х гг. В Советском Союзе физкультура и спорт всегда были охвачены пристальным вниманием и заботой властей. Партии правительства было необходимо, чтобы народ, которому предстояло построить самое передовое в мире общество, было здоровым и сильным. Когда лучшие советские спортсмены побеждали на мировых первенствах, это было лучшим доказательством преимуществ, победивших социализм. Подвиги ведущих атлетов щедро оплачивались государством. Но бурные социально-экономические потрясения, происшедшие в стране в начале 1990-х гг., отодвинули проблему физкультуры и спорта на задний план. Профессиональный спорт мог принять лишь незначительную часть ведущих атлетов, и многие из «крепких парней» со славным прошлым, не имея никакой реальной профессии, остались без средств на существование и перспектив. Тогда их сила, ловкость, волевые качества стали востребованы другим миром – криминальным. Изначально обладая всем необходимым для достижения вершин на этом поприще, им оставалось лишь освоить тонкости «новой профессии».

Примером рассвета преступности среди спортсменов может послужить общеизвестный факт того, что к концу 1980-х годов все спальные районы городов Советского Союза поделили разные молодежные группировки, в частности,

в Москве: Солнцевские, Бауманские, Измайловские, Люберецкие, Ореховские. Подавляющее большинство членов данных группировок составляли юноши из местных тренажёрных клубов и спортивных сообществ. Основная деятельность банд заключалась в вымогательстве денежных средств у предпринимателей. Спортсмены переходили черту закона, однако раньше преступления совершались редко. После правительственных реформ появились основания признать, что есть такое понятие, как «организованная спортивность». По своим характеристикам ее можно сравнить с деятельностью «воров в законе». Во многих российских регионах это можно четко проследить. Многие криминальные авторитеты в прошлом были спортсменами, и для многих спорт является хорошим прикрытием [3].

Специфике преступности среди спортсменов характерны организованность, большое внедрение в легальный бизнес, динамичная транснационализация, инфильтрация во властные структуры. Многие совершают преступления, прикрываясь спортивными организациями. Криминальные формирования, которые контролируют и возглавляют спортсмены, смогли создать большой капитал, который позволил им внедриться в высокодоходные сферы бизнеса, как законного, так и нет. Деятельность многих спортивных организаций и команд связана со спортивной теневой экономикой, в области которой находятся большие деньги [4].

В связи с отсутствием точной статистики криминалистических показателей по данному субъекту предоставить точные данные по тому или иному факту зачастую не представляется возможным. Однако проведенный анализ практических работников правоохранительных органов свидетельствует, что значительное количество противоправных деяний несет насильственный характер. Наиболее выраженными эле-

ментами в структуре преступности спортсменов можно выделить:

– умышленное причинение тяжкого/среднего вреда здоровью (ст.ст. 111, 112 УК РФ);

– кража (ст. 158 УК РФ);

– грабеж (ст. 161 УК РФ);

– разбой (ст. 162 УК РФ).

Мотивами противоправных действий спортсменов является возможность «быстро заработать» ввиду преимущества физических качеств над жертвой, а также с целью самоутвердиться в сомнительных в авторитетных кругах. Групповые нарушения общественного порядка и драки между «кланами» (конкурентами из других районов) стали в какой-то мере видом досуга, необходимой частью в жизнедеятельности субкультуры.

Стоит отметить, что одним из детерминирующих факторов противоправных действий, носящих преимущественно групповой характер, является употребление спиртных напитков и наркотических средств. Также немаловажно выделить, что определённая часть преступлений среди спортсменов совершается несовершеннолетними. Следовательно, преступления, совершенные спортсменами, в криминологической классификации тесно переплетаются с групповыми насильственными преступлениями несовершеннолетних.

Можно выделить наиболее криминальные виды спорта. К ним относятся: силовые единоборства, бокс, борьба, тяжелая атлетика. Сегодня к подобным видам можно отнести биатлон и спортивную стрельбу.

Зачастую преступления, совершенные спортсменами, очень похожи. Типичный портрет спортсмена-преступника – мужчина (18–35 лет) с официальным социальным статусом, семьянин. Как правило, такие лица объясняют свои преступные действия не сложной жизненной ситуацией, а желанием быстро «сделать большие деньги». Можно выделить

следующие типы личности спортсменов, совершающих преступления:

1. Спортсмен, который хочет стать частью группировки. Именно для этого он и стал спортсменом. Для него это дверь в криминальный мир.
2. Лидер криминальной группировки.
3. Участник криминального бизнеса. Такой человек контролирует определенное направление. Может быть организатором.
4. Спортсмен-исполнитель. Зачастую к ответственности привлекают именно таких людей. В разговорной речи их называют «пешки».

Общую статистическую картину социального портрета преступности России можно применить и относительно затронутой нами темы. Она выглядит следующим образом:

1) уровень образования спортсменов (высшее образование – 9,5 %, среднее профессиональное – 33,93 %, среднее общее – 21,28 %, начальное и основное общее – 35,28 %);

2) возрастная категория спортсменов (14–24 года – 20,7 %, 25–35 лет – 57,8%, 36–49 лет – 13,2 %, старше 50 лет – 8,3 %).

Даже если спортсмены по статистике менее агрессивны, чем широкая публика, должностные лица лиги и профсоюзы игроков обеспокоенно анализируют проблему преступности. Эксперты предположили, что склонности некоторых игроков к насилию были ими привиты им самим спортом, годами их учили быть жестокими и вознаграждали за агрессию. К тому же невозможно игнорировать регулярные всплески арестов профессиональных спортсменов за насилие в семье [5].

Наиболее агрессивное поведение сопровождается злоупотреблением наркотиками или алкоголем. Во всех спортивных ассоциациях действуют строгие правила в отношении злоупотребления психоактивными веществами, прово-

дятся тестирование на стероиды или тестирование на препараты, повышающие производительность. Недавно UFC и футбол ужесточили свои правила и последствия их нарушения. Спортсменов чаще проверяют на наличие запрещённых субстанций [5].

Причины преступности среди спортсменов становятся: вседозволенность, отсутствие наказания, корпоративный индивидуализм, аморальность поведения, жестокость.

Анализируя состояние и динамику данной разновидности поступлений в специфических условиях российской действительности, можно отметить серьезность проблемы, латентную масштабность, организованность, тяжесть последствий, хотя в статистике все это не находит отражения. Наличие преступлений становится нормой, особенно в среде подрастающего спортивного поколения.

Подводя итоги, хотелось бы подчеркнуть важность приобщения криминологической характеристики преступлений к новому виду политической борьбы, хотя это не выражено в натуральных показателях, скорее, на уровне догм и принципов международного сотрудничества между процессуальными организациями.

Таким образом, стремительную криминализацию спортсменов можно объяснить обширной криминализацией общества, так как этот путь реформирования (создания первоначального капитала) был выбран как стратегия осуществления реформ. Спортсмены психологически и физически были самыми подготовленными к подобному развитию событий. Кроме того, у них были все необходимые качества для этого: физическая сила, решительность, агрессивность, смелость, жесткость, умение держать себя в руках, жажда соперничества. Конечно, все эти качества типичны, и они могут присутствовать у других людей, но в криминальном мире они дают человеку особые «преимущества».

ЛИТЕРАТУРА

1. Белецкий В. В. Криминологическая характеристика и предупреждение преступности среди спортсменов: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2016.
2. О физической культуре и спорте в Российской Федерации: федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ (принят Государственной Думой 16 ноября 2007 г.; одобрен Советом Федерации 23 ноября 2007 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Болгарские футболисты арестованы за организацию договорных матчей // Официальный сайт «Росбалт». URL: <http://www.rosbalt.ru/main/2014/12/11/1347384.html> (дата обращения: 06.09.2020).
4. В Орске возбуждено дело против разбойной банды спортсменов // Официальный сайт «Росбалт». URL: <http://www.rosbalt.ru/federal/2013/11/27/1204601.html> (дата обращения: 06.09.2020).
5. Говорухин С. Великая криминальная революция: документально-публицистический фильм. М.: Глобус, 1994.
6. Госдума займется договорными матчами // Официальный сайт «Коммерсант». URL: <http://www.kommersant.ru/doc-y/2001559> (дата обращения: 06.09.2020).

© Минигалеев И. Х.

© Амиров У. А.

© Нухов Р. Р.

УДК 343.102:001.102(470)

Р. Р. НАСЫРОВ, старший преподаватель
кафедры оперативно-разыскной деятельности
органов внутренних дел Уфимского
юридического института МВД России (г. Уфа)

R. R. NASYROV, Senior Lecturer of Department
of Operational-Investigative Activities of Internal
Affairs Bodies, Ufa Law Institute of the Ministry of
Internal Affairs of Russia (Ufa)

**ПОЗНАВАТЕЛЬНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ
ИНФОРМАЦИИ****COGNITIVE PURPOSE OF OPERATIONAL AND INVESTIGATIVE
INFORMATION**

Аннотация. В статье приводится анализ оперативно-розыскной информации, ее ключевых особенностей как инструмента познания механизма скрытого развития преступного поведения, зависящих от субъекта ее восприятия при наблюдении за криминальной средой.

Ключевые слова и словосочетания: оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскная информация, оперативный сотрудник.

Annotation. The article provides an analysis of operational and investigative information, its key features as a tool for understanding the mechanism of hidden development of criminal behavior, depending on the subject of its perception when observing the criminal environment.

Keywords and phrases: operational-investigative activity, operational-investigative information, operational employee.

Появление оперативно-розыскной информации о процессах, являющихся причиной преступных деяний, невозможно без применения специальных методов и способов, помогающих приобретать необходимые сведения о неизвестных фактах. При помощи подобных сведений приобретаются знания о явлениях и происшествиях, которые могут быть как конкретными (например, время, место и способ совершения преступления), так могут являться и более общими (преступная активность, влияние различных факторов на уровень активности, личные и социальные контакты), взаимное сочетание которых позволяет обнаруживать интересующие факты, а также выявлять связи между поведением отдельных лиц и их последствиями. С. С. Овчинский отмечает, что «Назначение информации заключается в познании механизма скрытого развития преступного поведения, в связи с этим содержание должно выходить за рамки фактов, несущих очевидный характер, углубляясь до сути тщательно маскируемых поступков, поведения, общений, взглядов» [1, с. 44]. Во взаимодействии «социум – индивид» информация способствует пониманию того, как социальная среда, окружение оказывает влияние на становление, формирование личности и в то же время может дать четкое представление о том, каким способом и при помощи каких инструментов лица, составляющие оперативный интерес, формируют свое окружение, свою среду, какие они ставят задачи и какие цели преследуют.

Антисоциальные побудительные мотивы, преступные замыслы, отрицательное влияние на окружение – все это выясняется не в результате установления отдельных разрозненных сведений и фактов, а при изучении обширного информационного массива, при получении сведений из разнообразных источников, что является результатом внедрения в социальную среду, обычно не доступную для внешнего наблюдения и изучения.

Оперативно-розыскная информация помогает установить сам факт наступления преступного деяния и способствует выявлению данных, помогающих доказать точные факты, напрямую связанные с подобным деянием. Целью оперативно-розыскной деятельности является установления объективной истины во время процесса ведения уголовных дел, а также вынесение справедливых судебных решений, в основе которых должны лежать достоверные, истинные сведения. Однако при этом существует определенная проблема. Многих авторов [2, с. 77–82; 3, с. 114–120], исследующих этот вопрос, справедливо беспокоит следующий вопрос, насколько гарантировано получение истинной, достоверной информации. И эти опасения справедливы, несмотря на то, что существующая процессуальная процедура должна способствовать получению достоверных сведений. На практике же, и об этом говорит опыт оперативной работы, существуют такие явления, как сокрытие интересующих следствие фактов, маскировка произошедших событий, лжесвидетельства недобросовестных граждан. В связи с этим от оперативных сотрудников требуется негласное проникновение в криминальную среду для изучения внутренних отношений, установления и обнаружения мест укрытия предметов (например, тайников), которые в дальнейшем должны послужить вещественными доказательствами, и подобные оперативные действия. Исходя из вышесказанного, становится ясно, что важнейшим фактором достоверности становится информация. Возможно получение сведений вне процессуальной процедуры, а в ряде случаев это даже необходимо (с целью сохранения тайны), однако процедура доказывания должна осуществляться в рамках действующего уголовно-процессуального законодательства. По своей сути оперативно-розыскная деятельность должна быть сосредоточена на предмете доказывания, и именно он должен быть пред-

метом изучения, но фактически такая деятельность является более объемной, поскольку предназначена для изучения большого объема событий и явлений, что способствует получению доказательств и усиливает значение таких факторов, как следы, предметы, факты, улики.

Оперативно-розыскная информация должна включать в себя сведения о причинно-следственной связи между событиями и фактами, которые помогают прояснить обстоятельства преступления, участников такого деяния, а также потерпевших или прочих объектов, пострадавших от таких деяний. Иначе говоря, оперативно-розыскная информация, во-первых, должна способствовать сбору фактов, непосредственно касающихся произошедшего преступления, во-вторых, должна выявить наличие определенных связей между такими фактами, а также с источниками информации. Таким образом, вырабатывается цепь, связывающая источники и факты, которая позволяет выработать путь расследования, разработать комплекс необходимых мероприятий и порядок их выполнения, что в конечном итоге способствует получению необходимых доказательств. Пути получения необходимой информации могут быть весьма разнообразны (осмотры, наблюдения, допросы и опросы, сбор улик и документов, криминалистические исследования и пр.), главное, чтобы данные, полученные в результате такой работы, были правдивыми.

Однако, кроме сведений, которые в дальнейшем станут доказательствами, необходимо наличие четких связей между ними. Кроме того, помимо сведений о факте самого преступления, а также способах и путях его совершения, оперативно-розыскная информация должна содержать пути и способы поступления сведений о подобном деянии. В будущем такая информация значительно облегчает процессуальное оформление уголовного дела и способствует принятию справедливых судебных решений. Совершен-

но ясно, что все источники получения информации и сообщаемые ими сведения должны скрупулёзно проверяться и квалифицированно оцениваться. Кроме того, необходимо отметить следующее: поступающие данные, как правило, либо несут в себе уже известные оперативникам сведения, полученные из других источников, либо выявляют новые, ранее недоступные сведения о событиях, обстоятельствах и источниках. Однако это не снижает объективности информации, поскольку в случае подтверждения она выполняет главную задачу – устанавливает основные факты (источники и способы их установления), которые в дальнейшем становятся доказательствами. Второстепенные незначительные факты также могут выполнять важную функцию, они позволяют отбросить ложные версии, а значит также помогают установлению истины.

Фактически все получаемые сведения можно разделить на две подгруппы: одни помогают определить правильное направление и течение хода расследования, другие представляют сведения, которые в последующем станут доказательствами. Выявление неизвестных обстоятельств осуществляется на основании использования оперативно-розыскной информации, выяснения взаимных отношений, объяснения психологии преступника, которые в частности применимы к розыску лиц, избегающих следствия и суда, либо скрывшихся из-под стражи. Одновременно с получением новых сведений, необходимых для розыска таких лиц, в процессе расследования часто может применяться информация, собранная ранее в процессе раскрытия и расследования предыдущего преступления.

Особенность сбора сведений, помогающих в розыске скрывающихся от правосудия граждан, состоит в необходимости повторного и, возможно, неоднократного обращения к тем источникам информации, которые уже были задей-

ствованы в предшествующей процедуре раскрытия преступления: однако цели розыска устанавливают новые требования к подобным сведениям. Например, ранее для доказывания преступного деяния не было необходимости в изучении вероятных возможностей преступника: профессии, состояния здоровья, возможности завязывать знакомство в новых местах, входить в доверие и т. п. А вот для целей розыска такая информация очень важна, поскольку оказывает непосредственное влияние на способы и методику розыска. Характерной особенностью информации, используемой в оперативно-розыскной работе, является ее наполненность сведениями, всесторонне описывающими личность и характеры скрывающихся преступников. На это обстоятельство указывают авторы, занимавшиеся изучением проблем розыска. Так, И. Н. Голубков [4, с. 63–65], например, увязывал выбор скрывающимся лицом места проживания с чертами его характера, физиологическими и соматическими особенностями, состоянием здоровья, особенностями психики, прошлым преступным опытом. В процессе розыска скрывающихся преступников появляется возможность приобретения новых сведений об особенностях внешности и физического состояния преступника, высказываемых им суждений и намерений, наличии предметов, которые он может иметь при себе. В то же время расширяется круг источников информации. Это проявляется при проведении опроса лиц в местах, где удалось обнаружить следы скрывающегося лица, получении информации от работников транспорта. Также огромное значение приобретает исследование территорий или помещений, используемых для укрывательства, оставленных следов, предметов и документов. Кроме этого, сбор и отбор оперативно-розыскной информации должен одновременно сопровождаться определением адекватных методов фиксации данных, с последующей их передачей

при помощи средств связи для организации опережающих заградительных мер и организации поиска в вероятных местах появления разыскиваемых лиц. Одновременно возрастает ценность информации вследствие увеличения количества сведений, более подробно описывающих следующие обстоятельства: местоположение объектов, где вероятно укрываются преступники, возможность организации скрытого наблюдения со стороны его пособников и т. д. Знание мельчайших подробностей способствует выработке наиболее эффективным приемам розыска.

Помимо вышесказанного, хотелось бы отметить, что оперативно-розыскная информация позволяет прояснить не только уже свершившиеся события, но и события, течение которых происходит в настоящем времени, а также предвидеть события, которые могут произойти в будущем. Вместе с тем необходимо отметить, что оперативно-розыскная деятельность не всегда осуществляется в системе с завершенными процессами: криминогенная обстановка развивается и меняется, преступная деятельность может изменяться на различных этапах ее обнаружения. Если процесс завершен, появляется возможность точно определить причины и, соответственно, следствия. В протекающем процессе причину можно обнаружить, изучая следствие, которое она породила. Познание тем и определяется, что каждый этап процесса, который совершается, считается как завершенный, и соответственно, здесь можно выделить и причину и следствие.

В заключение хотелось бы отметить, что в оперативно-розыскной практике наиболее полезное применение имеет информация, отражающая как практический опыт, так и теоретические знания, при этом опирающаяся на предположения о вероятном и возможном происхождении событий, при этом, если существует отсутствие данных о достоверной связи и хронологической последователь-

ности явлений, то интуитивные выводы становятся информацией для предположений и версий. В этом случае большое значение имеют личные, интеллектуальные качества оперативных сотрудников, их возможность выходить за границы обычных, характерных представлений. Логические и интуитивные рассуждения характеризуются с учетом всех информационных [5] данных на подсознатель-

ном уровне. В этом случае частью мыслительного процесса являются знания, накопленные предыдущим профессиональным опытом оперативника. Таким образом, необходимо отметить, что ценность оперативно-тактического осмысливания информации увеличивается, когда оно не укладывается в известный определенный алгоритм, а связано с поисками нового варианта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Овчинский С. С. Оперативно-розыскная информация / под. ред. А. С. Овчинского и В. С. Овчинского. М.: Инфра-М, 2000. 367 с.
2. Аваев Л. М. К вопросу о понятии оперативно-розыскного обеспечения деятельности органов внутренних дел при чрезвычайных обстоятельствах криминального характера // Общество и право. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2007. № 2 (16). 177 с.
3. Ревизская Ю. А. Достоверность и объективность результатов оперативно-розыскной деятельности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2016. Т. 2 (68). № 3. 216 с.
4. Голубков И. Н. Розыск скрывшегося обвиняемого // Практика применения нового уголовно-процессуального законодательства в стадии предварительного расследования. Тезисы докладов и сообщений на научной конференции (19–21 декабря 1962 г.). М., 1962. 140 с.
5. Оперативно-розыскная деятельность: учебник. 2-е изд., доп. и перераб. / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова, А. Ю. Шумилова. М.: ИНФРА-М, 2004. XIV. 848 с.

© Насыров Р. Р.

УДК 343.137.2:343.14(470)

Р. Д. ФАЙРУШИНА, заместитель начальника кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (г. Уфа)

R. D. FAYRUSHINA, Deputy Head of the Chair of Criminal Procedure of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law (Ufa)

Н. В. МАЛИКОВА, доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (г. Уфа)

N. V. MALIKOVA, Assistant Professor of the Chair of Criminal Procedure of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law (Ufa)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СБОРА И ПРОВЕРКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОЗНАНИЯ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ

SOME ASPECTS OF COLLECTING AND VERIFYING EVIDENCE DURING AN INQUIRY IN ABBREVIATED FORM

Аннотация. В статье освещаются некоторые аспекты, связанные со сбором и проверкой доказательств при расследовании уголовных дел в сокращенной форме дознания. Законодатель, введя институт сокращенной формы дознания в уголовно-процессуальное законодательство, решил проблему по сокращению показателя количества лиц, осужденных к реальным срокам лишения свободы. На основе анализа судебно-следственной практики выявлены проблемные вопросы производства дознания в сокращенной форме, специфические особенности, которые отличают его от механизма доказывания в рамках осуществления дознания в общем порядке.

Ключевые слова и словосочетания: доказательство, дознание, расследование уголовных дел в сокращенной форме дознания, сбор и проверка доказательств.

Annotation. The article highlights some aspects related to the collection and verification of evidence in the investigation of criminal cases in an abbreviated form of inquiry. The legislator, by introducing the institution of a shortened form of inquiry in the criminal procedure legislation, solved the problem of reducing the number of persons sentenced to real terms of imprisonment. Based on the analysis of forensic and investigation practice, the problematic issues of conducting an inquiry in an abbreviated form, specific features that distinguish it from the mechanism of evidence in the framework of conducting an inquiry in a general manner, were identified.

Keywords and phrases: evidence, inquiry, investigation of criminal cases in an abbreviated form of inquiry, collection and verification of evidence.

Дознание в сокращенной форме является формой предварительного рас-

следования, осуществляемой в срок, не превышающий 15 суток со дня выне-

сения дознавателем постановления о производстве дознания в сокращенной форме на основании соответствующего ходатайства подозреваемого при наличии того, что уголовное дело возбуждено в отношении конкретного лица, подозреваемый полностью признал вину в совершении инкриминируемого деяния и отсутствуют обстоятельства, исключающие производство дознания в сокращенной форме, такие как: несовершеннолетие подозреваемого, необходимость применения принудительных мер медицинского характера, подозреваемый является лицом, в отношении которого применяется особый порядок уголовного судопроизводства, лицо подозревается в совершении двух и более преступлений, расследование которых осуществляется в форме предварительного следствия, подозреваемый не владеет языком, на котором ведется уголовное судопроизводство, возражение потерпевшего против производства дознания в сокращенной форме [1, с. 336].

Ученые-процессуалисты, такие как А. С. Александров, О. И. Андреева, Е. Н. Арестова, Е. А. Артамонова, Н. А. Власова, Б. Я. Гаврилов, С. И. Гирько, В. Г. Глебов, И. С. Дикарев, Е. А. Доля, О. В. Евстигнеева, А. С. Есина и другие, уделяют внимание непосредственно проблемам производства дознания в сокращенной форме, что можно объяснить множеством недостатков в его правовом регулировании и разнообразием предложений по совершенствованию этого института. Однако отмечая безусловную значимость работ указанных авторов, следует заметить, что они не исчерпали собой всех проблем, связанных с особенностями доказательственного права по уголовным делам, расследованным в сокращенной форме дознания.

На наш взгляд, проведение дознания в сокращенной форме требует дальнейшего изучения процессуалистами, так

как не в полном объеме подвергались самостоятельному исследованию особенности предмета и пределов доказывания, влекущие изменение представлений о понятии доказательства и допустимых способах его собирания, отдельные неследственные средства доказывания, используемые в сокращенном дознании.

С точки зрения практики, имеются проблемы, когда дознаватель находится под постоянной угрозой возвращения ему уголовного дела для производства дознания в общем порядке, дознаватель должен прилагать максимум усилий для закрепления следов преступления, получения другой доказательственной информации, ее проверки разрешенными законом способами.

Как известно, дознание в сокращенной форме упрощается за счет того, что уменьшается объем и сама потребность осуществлять доказательственную деятельность. Происходит данный процесс на основании того, что изначально отсутствует спор о признании подозреваемым лицом вины в совершенном преступлении и квалификации преступления. Ввиду ясности и простоты расследуемого преступления отсутствует вопрос о необходимости осуществления сложных и комплексных следственных действий, а также связанных с ограничением конституционных прав и свобод личности или в связи с чем необходимо получить разрешение начальника органа дознания и прокурора, а также предварительного судебного разрешения.

Говоря о механизме доказывания по уголовному делу, расследуемому в сокращенной форме дознания, необходимо выделить его специфические особенности, которые его отличают от механизма доказывания в рамках осуществления дознания в общем порядке. Данными особенностями являются:

– отсутствие необходимости обязательного проведения следственных действий, производство которых обязатель-

но при реализации дознания в общем порядке;

- отсутствие необходимости проверять в определенных случаях полученные доказательства;

- существование возможности применения и использования упрощенных приемов и средств для получения доказательств, которые обычно применяются на стадии предварительной проверки сообщения о преступлении.

Опираясь на положения ч. 2 ст. 226.5 УПК РФ, дознаватель при расследовании уголовного дела обязан произвести такие следственные и иные процессуальные действия, реализация которых не позволит невосполнимо утратить следы преступления или иные доказательства. Объем следственных действий и иных процессуальных действий, осуществляемых для обнаружения и сбора доказательств по уголовному делу, значительно ограничивается ввиду того, что дознаватель при реализации сокращенной формы дознания обладает широкими возможностями по использованию непроцессуальных средств и приемов до возбуждения уголовного дела на стадии предварительной проверки сообщения о преступлении.

Должностное лицо, осуществляющее дознание в сокращенной форме, вправе:

1. Не осуществлять проверку доказательств, если их не оспорили подозреваемый, его защитник, потерпевший или его представитель.

2. Не проводить допрос лиц, которые до возбуждения уголовного дела на стадии предварительной проверки были опрошены и их пояснения были зафиксированы на бланках объяснений, но за исключением, если в ходе предварительного расследования возникла необходимость получить дополнительные, фактически необходимые, но ранее не известные следствию данные, а также если достоверность полученных дока-

зательств оспаривается подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем. В двух последних случаях необходимо проводить допрос даже после получения объяснений на стадии предварительной проверки от участников расследуемого уголовного дела об обстоятельствах случившегося.

3. Не назначать судебные экспертизы по вопросам, ответы на которые уже содержатся в заключении специалиста в ходе проведенного исследования, в процессе проверки сообщения о преступлении. В данном случае также существуют некоторые исключения, такие как: возникновение в ходе предварительного расследования фактической необходимости в установлении иных дополнительных обстоятельств, ранее не известных; постановка под сомнение подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем выводы специалиста; наличие условий для обязательного назначения судебной экспертизы в соответствии со ст. 196 УПК РФ;

4. В соответствии с ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ не реализовывать следственные и иные процессуальные действия, которые устанавливают фактические обстоятельства, информация о которых уже есть в материалах уголовного дела со стадии предварительной проверки по уголовному делу и отвечает предъявляемым требованиям согласно ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ [2, с. 236].

Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что основная специфика механизма доказывания при реализации дознания в сокращенной форме заключается в сборе доказательств в основном на стадии предварительной проверки, то есть до возбуждения уголовного дела. Принимая решение о вынесении постановления о возбуждении уголовного дела дознаватель уже обладает сведениями о категории преступления, квалификации и создавшихся последствий от совершенного преступления, а также о

личности виновного лица, совершившего преступление, и об отсутствии обстоятельств, которые исключают производство дознания в сокращенной форме. Получая данные результаты, дознаватель имеет возможность обосновать свое решение о вынесении постановления о возбуждении уголовного дела и выбора формы производства дознания, а также может использовать и оценивать их как доказательства, подтверждающие виновность лица в ходе дальнейшего осуществления доказывания по уголовному делу, чаще всего не предпринимая далее никаких дополнительных проверок в ходе последующего предварительного расследования как со стороны дознавателя, так и суда.

Суд в соответствии со ст. 316 УПК РФ должен осуществить свои функции по удостоверению в том, что подсудимый понимает содержание и сущность предъявленного ему обвинения, добровольно и в полном объеме признает свою вину в содеянном и согласен на особый порядок судебного разбирательства, прежде чем будет вынесен приговор. Согласно ч. 2 ст. 226.9 УПК РФ суд для вынесения приговора оценивает и берет во внимание только ту доказательственную базу, которая представлена в обвинительном постановлении. Исключение составляют также случаи, когда в зале судебного заседания стороной защиты могут быть представлены какие-либо дополнительные характеризующие данные о личности подсудимого [3, с. 100].

Проведя анализ обвинительных постановлений по изученным нами уголовным делам, находящимися в производстве ОД УМВД России по г. Уфе, можно сделать вывод о подтверждении всего вышесказанного: в постановлениях в качестве доказательств, со стороны обвинения чаще всего фигурируют материалы, полученные именно в ходе доследственной проверки, а именно протоколы осмотра места происше-

ствия – 100 %, протоколы осмотра предметов – 48,25 %, протоколы осмотра документов – 24,75 %; характеристики, справки, иные документы – 100 %; заключения специалиста по результатам исследования – 66,25 %. Исключение составляют лишь заключения эксперта, полученные уже после возбуждения уголовного дела – 22,5 %, и показания подозреваемого, потерпевшего и свидетелей, допрос которых проводился в целях проверки сведений, сообщенных этими лицами в ходе опроса.

Так, в качестве примера приведем следующие материалы уголовного дела, которое было возбуждено в отделе дознания отдела полиции № 3 УМВД России по городу Уфе Республики Башкортостан по факту покушения на хищение товарно-материальных ценностей гражданкой Н., которая 15.08.2019 в 15:11 часов, находясь в магазине «Эконом Маркет», расположенном в ТЦ «Ультра» по адресу: г. Уфа, ул. Бакалинская, д. 27, путем свободного доступа тайно похитила из мужского отдела четыре мужские рубашки стоимостью 3 480 рублей и с места совершения с похищенными вещами пыталась скрыться, однако была задержана сотрудником магазина «Эконом Маркет» за территорией вышеуказанного магазина.

Производство по уголовному делу осуществлялось в сокращенной форме дознания, а процедура сбора и проверки доказательств проходила следующим образом:

- принято заявление представителя потерпевшего, в котором он просит привлечь к установленной законом ответственности неизвестную гражданку, которая 15.08.2019 в 15.11 часов пыталась похитить товары из магазина «Эконом Маркет»;

- допрошен представитель потерпевшего, который показал, как сотрудник охраны задержал девушку с черным пакетом в руках, в котором находились че-

тыре мужские рубашки с этикетками из магазина «Эконом Маркет»;

– допрошена в качестве подозреваемой гражданка Н, которая свою вину в покушении на совершение тайного хищения чужого имущества признала полностью и по существу уголовного дела показала, что 15.08.2019 около 15 часов 15 минут она с детьми зашла в магазин «Эконом Маркет», расположенный по адресу: г. Уфа, ул. Бакалинская, д. 27, посмотреть товары.

Зайдя в магазин, она вспомнила, что у её молодого человека скоро день рождения. Прогуливаясь по торговому залу, она выбрала 4 мужские рубашки и положила и к себе в пакет. На выходе из магазина прошла мимо кассовой зоны, аргументируя это тем, что денег на рубашки у нее не хватало.

Вина также доказана протоколом осмотра места происшествия, протоколом осмотра предметов, выемкой товарной накладной. Доказательства, на которые ссылаются обвиняемый и защитник, отсутствуют.

В ходе дознания была изучена личность обвиняемой, где установлено, что она ранее не судима, на учете у врача-нарколога, у врача-психиатра не состоит, по месту жительства характеризуется удовлетворительно, имеет двоих малолетних детей. В соответствии п. «и» ст. 61 УК РФ обстоятельством, смягчающим наказание, является наличие малолетних детей. В соответствии со ст. 63 УК РФ обстоятельств, отягчающих наказание, в деле не имеется [4]. Таким образом, доказательства были собраны:

– во-первых, при осуществлении дознания в сокращенной форме сбор и проверка доказательств осуществляется путем производства процессуальных и следственных действий на стадии предварительной проверки сообщения о преступлении;

– во-вторых, в качестве основных способов сбора и проверки доказа-

тельств по вышеуказанным уголовным делам являются получение объяснений, истребование документов и предметов, осмотр места происшествия, производство допросов свидетелей, потерпевшего и подозреваемого, изъятие предметов и документов, требование производства документальных проверок, ревизий, исследование документов, предметов.

Благодаря осуществлению указанных действий в уголовном деле являются доказательства, которые наряду с другими доказательствами являются основанием для принятия дознавателем, прокурором и судом значимых процессуальных решений.

На основании вышесказанного, несмотря на то, что главной целью введения данной формы дознания было упрощение процедуры предварительного расследования, нужно отметить наличие недостатков с обеспечением прав участников. В этом случае необходимо иметь в виду, что при производстве дознания в сокращенной форме упрощается процедура сбора доказательств, то есть по уголовному делу собирается такой объем доказательств, который является достаточным для установления события преступления, определения объема ущерба, а также виновности определенного лица, причем факты возвращения уголовных дел прокурором дознавателю подтверждают субъективность такого термина, как «достаточность» [5, с. 170]. Полагаем, что уголовно-процессуальный закон требует дополнения в части определения объема и видов доказательств, которые необходимо считать достаточными при производстве дознания в сокращенной форме. Такая рекомендация позволит в большей мере обеспечить права подозреваемого и обвиняемого. Кроме того, реализация этого положения позволит уменьшить число оправдательных приговоров в судах, а также прекращение уголовных дел по реабилитирующим основаниям, что также

позволит уменьшить нагрузку на суды. Таким образом, имеется необходимость устранения определённых пробелов в организации дознания в сокращенной форме, так как в настоящее время это, в большей степени, не результат доказанности виновности определенного лица в совершении преступления, а согласие лица с предъявленным обвинением.

В то же время такое «согласие» может быть получено и от лица, в отношении которого нет необходимого объема доказательственной базы. Самооговор чаще всего осуществляется либо с целью сокрытия другого более тяжкого преступления, либо с целью сокрытия лиц, виновных в совершении преступления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Файрушина Р. Д., Имаева Ю. Б. Теоретико-правовые положения производства дознания в сокращенной форме // Евразийский юридический журнал. 2020. № 7 (146). С. 336–337.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (принят Государственной Думой РФ 22 ноября 2001 г.; одобрен Советом Федерации РФ 5 декабря 2001 г. // Собрание законодательства РФ. 22.11.2001. № 25. Ст. 3457.
3. Михайловская И. Б. Настольная книга судьи по доказыванию в головном процессе. М.: ТК Велби; изд-во Проспект, 2015. С. 100.
4. Уголовное дело № 19901530003000636 // ОД УМВД России по городу Уфа Республики Башкортостан. Оп. 1. 224 л.
5. Матинян Э. А. Основные проблемы производства дознания в сокращенной форме // Молодой ученый. 2019. № 46 (284). С. 169–170.

© Файрушина Р. Д.
© Маликова Н. В.

УДК 33.148:81'33(470)

Г. Р. ШАГИЕВА, старший преподаватель
кафедры профессиональной подготовки
Уфимского юридического института
МВД России (г. Уфа)

G. R. SHAGIEVA, Senior instructor of the
Chair of Professional Police Training of Ufa
Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
of Russia (Ufa)

КЛАССИФИКАЦИЯ РЕЧЕВЕДЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ В ПРОЦЕССУАЛЬНОМ АСПЕКТЕ

CLASSIFICATION OF SPEECH EXAMINATIONS IN THE PROCEDURAL ASPECT

Аннотация. В статье автор обращает внимание на классификацию экспертиз в процессуальном аспекте, рассматривает принципы и цели назначения судебных экспертиз. В рамках исследования выделены эссенциалистический и номиналистический подходы при проведении

лингвистической экспертизы. Автором предлагается объединение двух родов судебных экспертиз (автороведческой и лингвистической), основанных на единых специальных лингвистических познаниях в методологическом инструментарии речеведческих экспертиз. Описывается понятийный аппарат фоноскопической экспертизы.

Ключевые слова и словосочетания: эссенциализм, номинализм, псевдопроблема, судебно-экспертная деятельность, судебная лингвистическая экспертиза, фоноскопическая экспертиза, речеведческая экспертиза, специальные знания.

Annotation. In the article, the author pays attention to the classification of examinations in the procedural aspect, considers the principles and objectives of the appointment of forensic examinations. Within the framework of the study, essentialist and nominalist approaches to linguistic expertise are identified. The author suggests combining two types of forensic examinations (author's and linguistic), based on common special linguistic knowledge in the methodological tools of speech-related examinations. The conceptual apparatus of phonoscopic examination is described.

Keywords and phrases: essentialism, nominalism, pseudo-problem, speech expertise, forensic expertise, forensic linguistic expertise, phonoscopic expertise, speech expertise, special knowledge.

В российском современном законодательстве имеется множество нормативных актов, регламентирующих судебно-экспертную деятельность, но официальным документом, устанавливающим правовую основу и основные направления деятельности, является Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее – ФЗ «О ГСЭД») [1]. Необходимо отметить, что судебно-экспертная деятельность может осуществляться специализированными государственными учреждениями и государственными судебными экспертами, а также вне государственных экспертных учреждений.

Предназначением экспертной деятельности является оказание помощи уполномоченным органам в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу. К формам содействия относятся: разрешение вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла [1].

Исследования экспертом проводятся объективно, всесторонне, в полном объеме с использованием научно-практических основ в пределах соответствующей компетенции. Заключение эксперта должно соответствовать положениям,

имеющим возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов [1]. Заключение эксперта является письменный документ, в котором отражаются ход и результаты исследований, проведенных экспертом.

Р. С. Белкин дает следующее определение специальных знаний: «профессиональные знания в области науки, техники, искусства или ремесла, необходимые для решения вопросов, возникающих при расследовании и рассмотрении в суде конкретных дел» [2, с. 123]. В. Я. Колдин считает, что специальные знания – это «познания, приобретаемые посредством специального (профессионального) образования и опыта» [3, с. 71].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что оба определения специальных знаний не противоречат друг другу, дополняют его с различных сторон.

Уровень знаний специалиста должен соответствовать определенному объему знаний, вне этого объема заниматься лингвистическими экспертизами практически невозможно не только в плане оформления экспертных заключений, но и в плане методических, экспертных исследований.

Судебная лингвистическая экспертиза (далее – СЛЭ) начала развиваться в 90-ых гг. прошлого века, и в это же вре-

мя возник ряд важных проблем, который считался важным для рассмотрения, который порождала лингвистическая наука, полемизируя с юриспруденцией.

Как выяснилось, многие из этих проблем вызваны незнанием того объема юридической информации, которой необходимо обладать эксперту, в данном случае имеется в виду, что лингвисты не ознакомились с юридической стороной дела, и проблемы сами собой не разрешались. Как устроено право, что является аспектами права, экспертам-лингвистам надо знать обязательно, в противном случае специалист не будет совершенствоваться в своей профессиональной деятельности.

В лингвистической науке выделяют два противопоставленных друг другу подхода – эссенциалистический и номиналистический. В настоящее время при проведении СЛЭ доминирует эссенциалистический подход, в центре внимания которого лежит проблема определения терминов, например, «как понимается то-то и то-то» или «как понимать то-то и то-то», то есть для решения конкретных экспертных задач необходимо четкое и ясное определение понятия, при помощи которого решается данная задача. Например, зная, что такое оскорбление, лингвист способен квалифицировать речевое поведение говорящего как оскорбление [4].

Целью номиналистического подхода является установление фактов, а не определение значения терминов. Сторонники номиналистического подхода (например, К. И. Бринев) утверждают, что стремление определить все термины теории не способно решить проблемы, которые возникают в лингвистической экспертологии, более того, ведет к так называемому регрессу в бесконечность и тормозит развитие судебной экспертологии.

Необходимо также остановиться на процессуальной классификации СЛЭ, которая достаточно известна нам с точки зрения процессуальных основ.

В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (далее – УПК РФ) и ФЗ «О ГСЭД» выделяются следующие виды уголовно-процессуальных экспертиз: первичные (основные), дополнительные и повторные судебные, комиссионные и комплексные судебные экспертизы.

В соответствии со ст. 207 УПК РФ и ст. 20 ФЗ «О ГСЭД» возможно назначение дополнительных и повторных экспертиз. Дополнительные назначаются в том случае, когда относительно основной экспертизы возникли какие-либо неясности или она в каком-то отношении неполная. Чтобы устранить эти несоответствия, уполномоченное лицо назначает дополнительную экспертизу. Существенным признаком является то, что дополнительная экспертиза может назначаться эксперту или комиссии экспертов, которые производили основную экспертизу, а также может быть назначена другому эксперту или другой комиссии экспертов.

Существует достаточно много оснований для назначения повторных экспертиз. Назначение повторной экспертизы осуществляется, когда в первичной экспертизе были установлены противоречия, несоответствия исследовательской части выводов, внутренние противоречия в исследовательской части, выход за пределы компетенции эксперта. Это не исчерпывающий перечень оснований для дополнительных и повторных экспертиз, которые имеют различные основания назначения.

Отличие единоличных экспертиз от комиссионных заключается в разнице по количеству экспертов и специальностей. При производстве единоличной экспертизы необходимо участие одного эксперта, при производстве комиссионных экспертиз привлекаются два или более эксперта различных специальностей. Эти экспертизы связаны с количеством отраслей или областей знаний, которые

важны для осуществления судебных экспертиз. Однородные экспертизы – это экспертизы, в которой участвуют специалисты одной и той же специальности; комплексные экспертизы – это экспертизы, при производстве которых участвуют специалисты двух или более областей знаний.

Например, в рамках расследования преступлений в соответствии со ст. 282 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства», как правило, назначается комплексная психолого-лингвистическая экспертиза, то есть в ее производстве участвует психолог и лингвист – специалисты двух разных областей знаний.

Важно отметить, что постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» [5] разъясняет, что при осуществлении комплексной экспертизы возможно участие одного эксперта, если он обладает знаниями в различных областях науки. В таком случае комплексную экспертизу может провести один эксперт, например, если он компетентен в области психологии и лингвистики.

Выделяются экспертизы также по роду и виду. Это является не процессуальным делением, а исследовательским. Деление осуществляется по отраслям знаний, которые применяются при производстве судебных экспертиз. В связи с этим выделяются: криминалистическая, баллистическая экспертизы, экспертизы холодного оружия, дактилоскопическая, судебно-медицинская (исследования трупов, исследования живых людей) экспертиза, бухгалтерская, пожаро-техническая экспертизы и др. Сами названия говорят, что в основе лежит отрасль знания, то есть специальные познания, которые используются при производстве экспертиз.

В соответствии со ст. 196 УПК РФ СЛЭ не относится к классу обязательных

экспертиз. Это означает, что уполномоченное лицо не обязано назначать СЛЭ по каким бы то ни было категориям дел. Это важно знать, потому что участники уголовного судопроизводства, например, потерпевшие, зачастую ошибочно полагают, что СЛЭ является обязательной экспертизой.

СЛЭ в качестве отдельного рода (вида) судебных экспертиз указана в «Перечне родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России (утвержден приказом Минюста России от 27.12.2012 № 237) [6], производящихся в экспертных учреждениях Минюста России, с указанием на исследования продуктов речевой деятельности.

Также в «Перечне родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации», утвержденном приказом МВД России от 29.06.2005 № 511 (ред. от 27.06.2019) «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» [6], лингвистическая экспертиза выделена в отдельный род судебных экспертиз с указанием на то, что объектом исследования является текст для разрешения вопросов смыслового понимания [7].

По нашему мнению, правильно было бы объединить два рода (вида) судебных экспертиз, таких как автороведческая и лингвистическая экспертизы в один род (вид) судебных экспертиз, так как в их производстве необходимы специальные лингвистические знания. На данный момент этот вопрос является дискуссионным и, видимо, ещё долго будет оставаться таковым, поскольку это связано с классификацией судебных экспертиз по отраслям знаний.

После выделения СЛЭ в отдельный род, свое развитие получила концепция

судебного речеведения, где выделяется отдельный класс экспертиз, который называется судебные речеведческие экспертизы. В него включены специальные виды экспертиз: автороведческая, лингвистическая экспертиза, фоноскопическая.

Что касается почерковедческой экспертизы, она не использует специальные лингвистические знания, теории, методики, поэтому включение ее в класс речеведческих экспертиз считается нецелесообразным. Авторыедческая и лингвистическая экспертизы представляют собой единый вид, потому что эти виды экспертиз основаны на специальных лингвистических познаниях.

Фоноскопическая экспертиза определяет реплики в спорных переговорах, то есть отвечает на вопросы «кто и что сказал», атрибутирует реплики конкретному лицу, то есть отвечает на вопрос «принадлежит ли эта реплика к конкретному лицу», устанавливает факт наличия или отсутствия монтажа в спорной аудиозаписи (здесь используются познания из области физики, акустики). Лингвист отвечает на вопрос «есть ли признаки монтажа в данной аудиозаписи», и его

действия в данном случае очень ограничены. Лингвистические познания в этом виде экспертиз могут применяться, но пока в этом отношении у лингвистов весьма скромные результаты, данный вид экспертизы будет еще прогрессировать. Таким образом, фоноскопическая экспертиза больше носит комплексный характер, чем лингвистический.

Целью лингвистических экспертиз являются ответы на вопросы, связанные с исследованием речевой деятельности и ее продуктов, то есть с исследованием языкового материала, содержащего в себе языковые сообщения.

Права и обязанности эксперта регулируются соответствующими отраслями права, где есть разделы, посвященные процессуальному статусу судебного эксперта, принципам назначения судебной экспертизы и др.

Вопрос классификации речеведческих экспертиз будет волновать исследователей и лингвистов-экспертов до тех пор, пока научное сообщество не примет единой нормативно закреплённой их классификации.

ЛИТЕРАТУРА

1. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.10.2019).
2. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М., 2001. 235 с.
3. Колдин В. Я. Судебная идентификация. М., 2002. 528 с.
4. Бринев К. И. Методологические проблемы лингвистической экспертизы: определение сущности экстремизма, определение понятия «социальная группа». URL: <https://www.elibrary.ru> (дата обращения 18.10.2020).
5. О судебной экспертизе по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28. URL: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 18.10.2019).
6. Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России: приказ Минюста России от 27.12.2012 № 237 (ред. от 13.09.2018). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.10.2019).
7. Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 29.06.2005 № 511 (ред. от 27.06.2019) (вместе с «Инструкцией по организации производства су-

дебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации», «Перечнем родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации»). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.10.2019).

© Шагиева Г. Р.

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

УДК 351.753.3:343.123.12-049.5(470)

А. И. МУРТАЗИН, старший преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России (г. Уфа)

A. I. MURTAZIN, Senior Instructor of the Chair of Fire and Special Tactical Training of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ufa)

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НОРМ ПРАВА О ПРИМЕНЕНИИ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ СОТРУДНИКАМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЦ, ПОДЛЕЖАЩИХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЕ

FEATURES OF THE APPLICATION OF THE LAW ON THE USE OF FIREARMS BY EMPLOYEES OF DIVISIONS FOR PROVIDING PERSONS SAFETY SUBJECT TO STATE PROTECTION

Аннотация. В рассматриваемой статье проанализированы правовые основания применения огнестрельного оружия сотрудниками подразделений по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите, а также отображены возможные практические ситуации такого применения. Отдельное внимание уделено условной классификации норм, касающихся использования огнестрельного оружия в практической деятельности сотрудников подразделений по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите. В статье рассмотрены нормативные правовые акты, регулирующие деятельность вышеуказанных сотрудников.

Ключевые слова и словосочетания: государственная защита, правовые основания, огнестрельное оружие, мера безопасности, защищаемое лицо, сотрудник ОГЗ.

Annotation. This article analyzes the legal grounds for the use of firearms by employees of departments for providing persons safety subject to state protection, as well as displays possible practical situations of such use. Special attention is paid to the conditional classification of norms concerning the use of firearms in the practice of employees. The article considers the normative legal acts regulating the activities of the above-mentioned employees.

Keywords and phrases: government protection, legal basis, firearm, safety measure, protected person, employee of state protection agencies.

Применение огнестрельного оружия является на сегодняшний день актуальным и довольно открытым вопросом. Это связано с тем, что использование оружия является абсолютно крайней мерой, влекущей за собой угрозу жизни и здоровью человека. В свою очередь, отметим, что защита жизни и здоровья, прав и свобод человека и гражданина является главной задачей всех сотрудников органов внутренних дел. К сожалению, в Российской Федерации отсутствует статистика применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции, в отличие от некоторых других стран [1], но это не говорит о том, что в подобном случае стоит упускать момент разрешения вопроса, касающегося сотрудников и оружия.

Подразделения по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите, образованы Указом Президента Российской Федерации от 06.09.2008 г. № 1316 «О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации» [2] на основе подразделений по борьбе с организованной преступностью. Данным указом на новое подразделение были возложены функции по применению мер безопасности в целях защиты жизни и здоровья лиц, подлежащих государственной защите, а также по обеспечению сохранности их имущества.

Приказом МВД России от 15 августа 2011 г. № 938 «О некоторых вопросах организации оперативно-розыскной деятельности в системе МВД России» эти подразделения включены в перечень оперативных подразделений системы МВД России, правомочных осуществлять оперативно-розыскную деятельность в полном объеме [3, с. 22].

Как упоминалось выше, применение огнестрельного оружия является крайней мерой, поэтому стоит уделить внимание и тому, что в случае превышения своих полномочий, действуя вопреки законодательству, сотрудники несут уголовную ответственность, предусмотрен-

ную статьями 108, 114, 286 УК РФ. Нормативная правовая база, регулирующая деятельность сотрудников, обеспечивающих безопасность лиц, подлежащих государственной защите (далее – сотрудники ОГЗ), весьма обширна, из них следует, что сотрудники подразделений по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите, являются сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации, на которых также распространяются положения Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» [4] (далее – ФЗ «О полиции»), который перечисляет основания применения огнестрельного оружия.

Государственная защита предусматривает 9 видов применяемых к защищаемым лицам мер безопасности. Мера безопасности «личная охрана, охрана жилища и имущества защищаемого лица» предусмотрена обоими законами. «Личная охрана» характеризуется своей универсальностью применения, одновременно с этим, с точки зрения организации, тактики и методов осуществления защиты, является весьма кропотливой в плане ее организации.

Наглядно рассмотрим меры безопасности, реализуемые в Российской Федерации.

Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [5]:

- 1) личная охрана, охрана жилища и имущества;
- 2) выдача специальных средств индивидуальной защиты, связи оповещения об опасности;
- 3) обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице;
- 4) переселение на другое место жительства;
- 5) замена документов;
- 6) изменение внешности;
- 7) изменение места работы (службы) или учебы;

8) временное помещение в безопасное место;

9) применение дополнительных мер безопасности в отношении защищаемого лица, содержащегося под стражей или находящегося в месте отбывания наказания, в том числе перевод из одного места содержания под стражей или отбывания наказания в другое.

Федеральный закон от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов»:

1) личная охрана, охрана жилища и имущества;

2) выдача оружия, специальных средств индивидуальной защиты и оповещения об опасности;

3) временное помещение в безопасное место;

4) обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемых лицах;

5) перевод на другую работу (службу), изменение места работы (службы) или учебы;

6) переселение на другое место жительства;

7) замена документов, изменение внешности.

Согласно утвержденным постановлением Правительства [7] перечнем личная охрана является одной из наиболее применяемых мер безопасности. Отличительной особенностью данной меры является то, что она подразумевает под собой возможность применения сотрудником ОГЗ огнестрельного оружия.

К мере безопасности «личная охрана» прибегают в случае наличия реальной угрозы жизни защищаемого лица либо насилия над ним. В связи с этим сотрудник, который будет обеспечивать рассматриваемую меру, должен быть всесторонне подкован, в том числе, физически, психологически. Также сотрудник должен профессионально владеть оружием, состоящим на вооружении МВД РФ. Как уже говорилось выше, сотрудники ОГЗ

имеют специальное звание сотрудников полиции и на них в общем порядке распространяются нормы ФЗ «О полиции». Разберем наиболее полно главу 5 вышеуказанного закона с целью определения особенности применения огнестрельного оружия сотрудниками ОГЗ.

1. Для защиты другого лица либо себя от посягательства, если это посягательство сопряжено с насилием, опасным для жизни или здоровья. На базе в рамках исследуемого основания, на наш взгляд, наиболее полно раскрывается право сотрудника ОГЗ в рамках осуществления возложенных на него полномочий применять огнестрельное оружие. Это связано с тем, что под категорию «защиты другого лица» как раз-таки и подпадает обеспечение безопасности защищаемого лица. Особенностью, характерной для применения данной нормы, является тот факт, что посягательство, в свою очередь, должно быть связано с насилием, при этом, оно должно непосредственно представлять опасность для жизни и здоровья, защищаемого лица. Стоит отметить, что нападением, опасным для здоровья лица, а также для его жизни, является такое нападение, которое может причинить вред здоровью любой степени тяжести, то есть повлечь различные последствия, в том числе и наступление смерти. Но не стоит забывать о том, что при применении оружия в отношении нападающего лица стоит учитывать критерий, касающийся причиненного ему вреда, и он, в свою очередь, не может быть больше, чем вред предотвращенный.

2. Для пресечения попытки завладения огнестрельным оружием, транспортным средством полиции, специальной и боевой техникой, состоящими на вооружении (обеспечении) полиции. К практической ситуации применения огнестрельного оружия в таком случае относится, например, попытка захвата оружия сотрудника ОГЗ при выполнении им обязанностей по обеспечению безопасности лица или в случае оставления

огнестрельного оружия вследствие ранения и т. п. Остальная часть данного основания относится к сотрудникам ОГЗ в общем плане, так как транспортное средство, которым пытаются завладеть, обычно имеет соответствующую цветографическую разметку либо на нем установлены специальные средства, что, в свою очередь, может создать лишнее внимание и повлечь нежелательные последствия. Аналогичная ситуация складывается относительно специальной и боевой техники.

3. Для освобождения заложников. Данное основание может рассматриваться с разных сторон: с одной стороны – если заложником оказалось защищаемое лицо, с другой – иное не подлежащее государственной защите лицо. При применении оружия в подобных ситуациях особо следует обратить внимание на требование ч. 6 ст. 23 Федерального закона «О полиции».

4. Для задержания лица, застигнутого при совершении деяния, содержащего признаки тяжкого или особо тяжкого преступления против жизни, здоровья или собственности, и пытающегося скрыться, если иными средствами задержать это лицо не представляется возможным. Данное основание проблематично в применении. Это связано с тем, что сотрудник в момент, когда лицо совершает преступление, относящееся к категории «тяжкое» или «особо тяжкое», должен квалифицировать его. Ситуация также осложняется тем, что в результате изменения законодательства категории тяжести отдельных составов могут изменяться. Но возникает логичный вопрос о возможности применения огнестрельного оружия при наличии данного основания и одновременном исполнении обязанностей по обеспечению безопасности лица, подлежащего государственной защите.

5. Для задержания лица, оказывающего вооруженное сопротивление, а также лица, отказывающегося выполнить за-

конное требование о сдаче находящихся при нем оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств, ядовитых или радиоактивных веществ. Данное основание, на наш взгляд, напрямую относится к деятельности сотрудников, силовых подразделений, осуществляющих защиту лиц, так как возникновение ситуаций, в которых лицо, которое желает причинить вред защищаемому лицу, может осуществить реализацию своего умысла, с использованием предметов, способствующих облегчению его реализации, в том числе и огнестрельного оружия.

6. Для отражения группового или вооруженного нападения на здания, помещения, сооружения и иные объекты государственных и муниципальных органов, общественных объединений, организаций и граждан. Указанное основание также является наиболее общим и относящимся ко всем сотрудникам полиции, если только вышеуказанные объекты не являются безопасным местом, куда временно помещено лицо, потому как в нормативных актах не определен конкретный перечень мест, считающихся безопасными.

7. Для пресечения побега из мест содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений или побега из-под конвоя лиц, задержанных по подозрению в совершении преступления, лиц, в отношении которых применена мера пресечения в виде заключения под стражу, лиц, осужденных к лишению свободы, а также для пресечения попытки насильственного освобождения указанных лиц. Вышеуказанное основание по большей своей части ориентировано на применение огнестрельного оружия сотрудниками, осуществляющими конвой, а также сотрудниками федеральной службы исполнения наказания.

Помимо рассмотренных нами правовых оснований ч. 3 ст. 23 ФЗ «О полиции» допускает альтернативу использова-

ния оружия. Во-первых, к такому положению относятся случаи, когда лицо, управляющее транспортным средством, отказывается выполнить неоднократные требования сотрудника полиции об остановке и пытается скрыться, создавая угрозу жизни и здоровью граждан. Здесь закон допускает применение оружия для повреждения такого транспортного средства. Данное положение напрямую не относится к сотрудникам ОГЗ, поскольку их прямая обязанность – обеспечение защиты конкретного лица. Во-вторых, к описанному положению относятся условия возникновения угрозы жизни защищаемому лицу либо непосредственно сотруднику, возникающей со стороны животного. В-третьих, – для разрушения запирающих устройств, элементов и конструкций, препятствующих проникновению в жилые и иные помещения по основаниям. В-четвертых, – для производства предупредительного выстрела, подачи сигнала тревоги или вызова помощи путем производства выстрела вверх или в ином безопасном направлении.

На сотрудников ОГЗ, как на сотрудников полиции, распространяются запреты применения огнестрельного оружия на поражение в отношении категорий граждан, предусмотренных законом. Также на сотрудников ОГЗ распространяются правила неприменения огнестрельного оружия при скоплении граждан, если в результате его использования могут пострадать случайные лица. Таким образом, в случае, если на защищаемое лицо будет оказано воздействие, сопряженное с реальной угрозой его жизни и здоровью, при нахождении такого лица в общественном месте, то сотрудник ОГЗ, подразумевая, что может причинить вред иным лицам, не сможет должным образом обеспечить защиту лицу.

Проведя анализ правовых оснований применения огнестрельного оружия сотрудниками ОГЗ, можно условно разделить данные основания на две группы:

1. Основания, которые распространяются на всех сотрудников полиции;

2. Основания, которые сотрудники ОГЗ могут непосредственно применять в целях обеспечения защиты.

Другой формальной классификацией можно считать разделение на группы основания применения оружия сотрудниками подразделений по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите, с учетом объекта поражающей силы.

Так, к первой группе относятся случаи, допускающие производство выстрела с целью поражения человека, ко второй – случаи, когда применение оружия не сопряжено с поражением человека.

Мы рассмотрели особенности норм права применения огнестрельного оружия, проецируя их на деятельность сотрудника ОГЗ. Однако, существуют моменты, касающиеся порядка применения огнестрельного оружия сотрудниками подразделений, обеспечивающих защиту лиц, подлежащих государственной защите, которые требуют законодательного разрешения. В частности, мы обращаем внимание на ч. 4 ст. 19 Федерального закона «О полиции», согласно которой сотрудник после применения огнестрельного оружия обязан оказать гражданину, получившему телесные повреждения, первую помощь либо принять меры к оказанию медицинской помощи в возможно короткий срок. Разбирая данное положение, сложно представить ситуацию, в которой сотрудник ОГЗ должен оказать помощь, в то время, когда он непосредственно выполняет обязанности по обеспечению защиты лица. В таком случае перед сотрудником невольным образом возникает выбор между раненым нападавшим лицом и защищаемым лицом, которому в данный момент может угрожать опасность.

Подводя итог, можно утверждать, что деятельность сотрудников, обеспечивающих безопасность лиц, подлежащих государственной защите, регламентирована

на множеством нормативных правовых актов: от федеральных законов и до ведомственных правовых актов. Но, несмотря на весь объем правовых оснований, ни в одном нормативном правовом акте не сформулированы конкретные условия применения огнестрельного оружия сотрудниками государственной защиты. С нашей точки зрения, данное положение является существенным пробелом

в законодательстве, так как речь идет не об общих ситуациях, предусмотренных законом, а о безопасности конкретного лица. Мы считаем, что с учетом направленности деятельности сотрудников ОГЗ целесообразно разработать отдельное положение, которое раскроет право и порядок применения огнестрельного оружия данной категорией сотрудников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кобленков А. Ю. Мониторинг реализации законодательства о применении огнестрельного оружия сотрудниками полиции в России и за рубежом // Вестник Нижегородского академии МВД России. 2018. № 1 (41). С. 241–244.
2. О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации: указ Президента РФ от 06.09.2008 № 1316 (ред. от 05.09.2011). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_79834 (дата обращения: 22.09.2020).
3. Баженов С. В., Важенин В. В. Об обеспечении безопасности лиц, подлежащих государственной защите // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. № 1 (52). С. 21–24.
4. О полиции: федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165 (дата обращения: 24.09.2020).
5. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/12136633> (дата обращения: 25.09.2020).
6. О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов: федеральный закон от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6425/ (дата обращения: 25.09.2020).
7. Об утверждении государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2019–2023 годы: постановление Правительства РФ от 25 октября 2018 г. № 1272 // СПС «КонсультантПлюс».

© Муртазин А. И.

ПАМЯТКА
АВТОРАМ ПУБЛИКАЦИЙ В ЖУРНАЛЕ
«ПРАВО: РЕТРОСПЕКТИВА И ПЕРСПЕКТИВА»

Редакционная коллегия принимает для рассмотрения и публикации научные статьи, по своему содержанию отражающие наиболее важные проблемы права и государства в современном и историко-правовом ракурсе, актуальные вопросы юриспруденции, правоохранительной деятельности Российской Федерации и зарубежных стран, тенденции развития и совершенствования высшего юридического образования в образовательных организациях МВД России, особенности интеграции юридической науки и практики, а также обзоры и комментарии законодательства.

Группы научных специальностей, по которым могут публиковаться материалы:

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве.

12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право.

12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

12.00.09 – Уголовный процесс.

12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность.

12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность.

12.00.14 – Административное право; административный процесс.

Заявки и рукописи представляются в Уфимский ЮИ МВД России с приложением электронного варианта на электронном носителе, либо по электронной почте: vestnik_uyi@mvd.ru (с пометкой: «Право: ретроспектива и перспектива»).

Структура статьи

Название на русском и английском языках (печатаются прописными буквами с соблюдением симметрии, размер шрифта – 14).

Сведения об авторе на русском и английском языках (над заглавием справа должны быть указаны инициалы, фамилия автора (авторов) – печатаются прописными буквами, размер шрифта – 14; занимаемая должность, полное название места работы, ученая степень и ученое звание – строчными буквами, размер шрифта – 12, курсивом; номер телефона (служебный или домашний), факс, адрес электронной почты (не для печати).

Аннотация (100–150 слов) и ключевые слова (6–10 слов или словосочетаний, количество слов внутри ключевой фразы – не более 3) на русском и английском языках – печатаются курсивом, размер шрифта – 12.

Рукопись статьи должна представлять собой распечатку текста на одной стороне листа формата А 4 (210 x 297 мм) в текстовом редакторе Microsoft Word с использованием шрифта Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – одинарный. Страницы рукописи должны иметь строго выдержанные поля: по 2,5 см каждое. По объему текст не должен превышать 27 000 знаков с пробелами машинописного текста через одинарный интервал. С учетом данных об авторе, используемого библиографического списка ссылок на использованные источники, аннотации и ключевых слов объем текста должен быть в пределах от 7 до 10 страниц, т. е. от 17 000 знаков на 7 страницах до 27 000 знаков на 10 страницах с учетом пробелов, библиографических ссылок, включая таблицы, графики, рисунки, фотографии, другие нетекстовые элементы, которые группируются отдельными файлами в формате TIFF, JPEG, разрешение – не менее 300 dpi.

Оригинальность статьи должна составлять не менее 60 %.

Пристатейный затекстовый библиографический список ссылок, оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления», размещается конце текста, размер шрифта – 12, Times New Roman. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница.

Индекс Универсальной десятичной классификации (УДК), который располагается слева перед сведениями об авторе (авторах) отдельной строкой.

При использовании в тексте различных аббревиатур необходимо приводить их расшифровку, а в скобках – аббревиатуру с последующим использованием ее без расшифровки. Например, уголовно-исполнительная система (далее – УИС).

Статья должна быть подписана автором (авторами) на последней странице второго экземпляра следующим образом: «Статья вычитана, цитаты и фактические данные сверены с первоисточниками. Сведений, составляющих государственную и служебную тайну, не имеется».

Публикуемые статьи выражают мнение авторов, которое может не совпадать с точкой зрения редакции журнала. Авторы несут ответственность за недостоверные сведения, содержащиеся в их материалах.

К рассмотрению не принимаются рукописи, опубликованные в других изданиях.

Соискатели, адъюнкты, аспиранты предоставляют отзыв научного руководителя.

Предоставляя статью для публикации, автор выражает согласие на ее сокращение и редактирование, размещение в справочно-правовых системах, базах данных, на электронных ресурсах (в том числе в сети Интернет).

К направляемым в редакцию научным статьям обязательно прилагается заполненная и подписанная заявка по следующей форме:

Заявка на опубликование научной статьи (рецензии/обзора) в научном журнале «Право: ретроспектива и перспектива» Прошу Вас рассмотреть вопрос об опубликовании подготовленной мной статьи _____ _____ (название статьи) в рубрике _____ Передаю на неограниченный срок учредителю журнала неисключительные права на использование научной статьи путем ее воспроизведения и размещения на официальном сайте института в сети Интернет. Подтверждаю, что в направляемой научной статье не нарушаются авторские и смежные права, направляемый материал ранее опубликован не был, не направлялся и не будет направляться для опубликования в другие научные издания без уведомления об этом редакции журнала. При подготовке материалов к публикации не использовались литературные источники и документы, имеющие гриф ДСП, «секретно», а также служебные материалы других организаций. Согласен на обработку своих персональных данных в соответствии со ст. 6 Федерального закона «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ. Ознакомлен и согласен с требованиями и условиями публикации в журнале, утвержденными редакцией. О себе сообщаю следующую информацию: ФИО (полностью): _____ Должность: _____ Место работы: _____ Ученая степень: _____ Ученое звание: _____ Адрес: _____ Телефон для связи: _____ E-mail: _____ Электронный вариант статьи на _____ страницах прилагается. Дата, подпись, расшифровка подписи.

**РЕДКОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «ПРАВО:
РЕТРОСПЕКТИВА И ПЕРСПЕКТИВА»**